

БОРИС ПРИВАЛОВ

ТАИНСТВЕННЫЕ
ЛОЖКИ

БОРИС
ПРИВАЛОВ

Паштетенное
ЛОЖКИ

ПОВЕСТЬ. РАССКАЗЫ

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2017г.

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ!

Эту книгу, дорогие ребята, написал для вас Борис Привалов.

Вы, наверное, читали его фельетоны в «Пионерской правде», слушали его веселые рассказы в «Пионерской зорьке», знаете его книги для детей: «Веселый мудрец», «Два чудака», «Третий лишний», «Всадник без бороды», «Мисс Хрю», «Трижды убитый», «Петрушка—душа скоморошья», «Люша-хвальбуша», «Елка с белой» и многие другие.

Но мало кто из вас знает, что, прежде чем стать писателем, Борис Привалов много учился — в школе, в театральном училище, в институте, несколько лет он играл в театре, работал продавцом книг, лектором, поваром, экскурсоводом. Вовремя Великой Отечественной войны Борис Привалов был военным корреспондентом, а после ее окончания, по заданию различных газет и журналов, побывал во всех республиках нашего Советского Союза, изъездил Сибирь и Урал, взбирался на горы и опускался на подводной лодке в глубины моря. Представляете, сколько у него накопилось впечатлений к наблюдений! С **какими** интересными людьми ему удалось встретиться?!

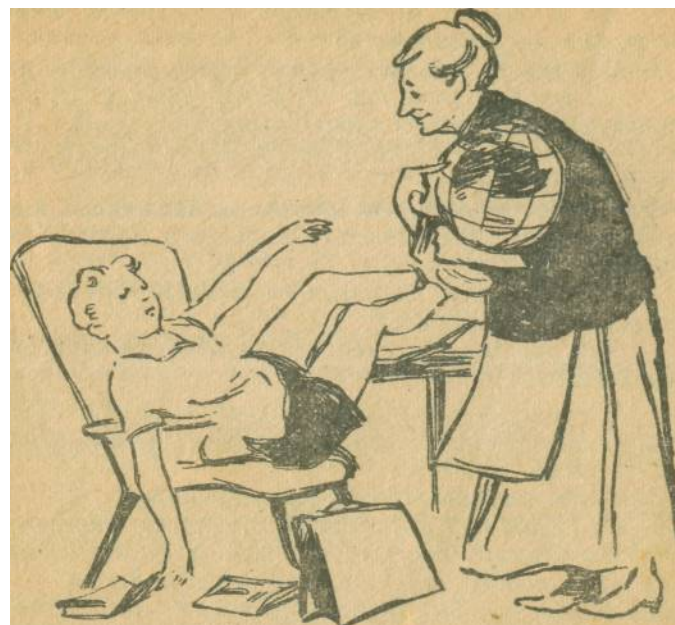
Поэтому и читатели Бориса Привалова встречаются на страницах его книг с людьми самых различных профессий, возрастов, **национальностей**. Поэтому, в одной повести Борис Привалов рассказывает о Молдавии, в

другой — о Казахстане, а в третьей — о Белоруссии. Поэтому с интересом читаются и забавные приключения членов зеленого патруля братьев Прозоровых, и описание веселых проделок на суше, на море и в облаках юных туристов, изобретателей, натуралистов. Да, Борис Привалов — настоящий мастер веселого жанра в нашей детской литературе.

Я верю, что для вас, ребята, встреча с героями этой книги будет радостной и полезной.

Так будьте же знакомы!

Сергей МИХАЛКОВ.

ПОДШЕФНЫЙ ПЕТЯ БУБЕНЧИКОВ

— Над Петей Бубенчи́коа́ым, — сказал староста, — нужно взять шефство. Он отстаёт, с тройки на тройку едва-едва перебивается, а у нас четверть класса отличники. Позор! Где товарищеская помощь?

— Да он ведь отстаёт по собственной вине, — возразил Яша Караулов. — На коньках целый день гоняет, уроки не готовит, вот и двойки получились.

— Давай, Яша, не отвиливай, — строго сказал староста. — Не хочешь ты ему помогать, так и скажи. А еЩк сосед называется. В одном доме живешь.., по арифметике пять...

— Да я же не отказываюсь, — закричал Яша. — Раз нужно, — пожалуйста!

— Вот так, — удовлетворенно кивнул головой староста. — С арифметикой, значит, все в порядке. А Тарас Иванов поможет Бубенчкову по русскому языку. Учтите: вы отвечаете за Петю. Если он не подтянется, — напишем о вас в стенгазету.

Для Пети Бубенчикова наступили блаженные времена. Придя из школы, Петя страдальчески морщил лоб и вздыхал:

— Куда же **идти**? На каток, на лыжный трамплин ил; на хоккейную площадку?

— Как же так, Петенька? — пугалась бабушка. — А уроки-то?

— С уроками — полный порядок! — весело отвечал Петя. — Я, бабуся, теперь прикреплен к отличникам. Он» за меня отвечают.

Встречая «шефов», Петя бодро спрашивал:

— Ну, Яша, как задачки? Получились? Листочки с решением отдайте бабушке. Объясните ей, что к чему... А то я иду сейчас на каток, мне некогда. Приду — бабушка разъяснит. Ты, Тарас, упражнения по русскому языку положи мне на стол. Я перепишу.

— Но ведь ты же ничего знать не будешь! — убеждал Бубенчикова Яша.

— Я, Яшенька, отвечаю только за себя, — смеялся Петя. — А вы — за меня. Значит, старайтесь, чтобы все было в порядке... Кто чей шеф?

Петя стал приходить з школу с хорошо выполненными домашними заданиями. А когда он «плавал» у доски, то «шефы» кричали с мест:

— Не ставьте ему двойки! Он же старается! Он же догоняет! Мы с ним занимаемся!

И заветная «тройка» появлялась в Петинем дневнике.

— Вот результаты нашей работы, — радовался староста. — Молодцы, отличники! Напишем про вас в стенгазету! Да, кстати, Бубенчиков отстает по столярному делу. И по сбору бумажного утиля. Нужно кого-нибудь к нему прикрепить.

Попросили зять «шефство» над Бубенчиковым по столярному делу Федю, а по сбору бумажного утиля — Клаву, которая собрала бумаги больше всех в школе.

— Бумагу собирать? — обиделся Петя. — Что мне,

делать нечего? Нужно по арифметике подтягиваться, по русскому... И вдруг—бумага!

— Он отказывается, — робко сказала Клава старосте. Староста замотал головой:

— Ты должна вовлечь его, уговорить! Бери пример с Яши и Тараса. Они же нашли способ на этого неисправимого Бубенчикова повлиять.

— Правильно, — в десятый раз выслушав Клаву, сказал Петя. — Раз тебя назначили — помогай. Мне ведь много этой бумаги не надо. Так — по килограммчнку в день хватит...

И с того дня в списке сборщиков бумажного утиля появилась фамилия Бубенчикова.

Староста был доволен: молодец Клава, уломала «неисправимого»!

В столярной мастерской Федя таким же манером «помогал» Пете обтесывать и обстругивать дощечки для ящиков.

— Вот что значит товарищеская помощь! — • заявил староста, просматривая дневник Пети. — Вот только по географии и по рисованию у тебя слабо... Ну, ничего, поможем!

Еще двоих отличников направили к Пете.

— Эх,—завистливо вздыхали некоторые школьники,— везет же Бубенчикову! Опять прикрепился! И как это ему удается всегда быть отстающим?

А сам Бубенчиков громко спрашивал одноклассников-шефов:

— Адрес мой помните? Во дворе направо, второе парадное. И не опаздывайте — ясно?

Петина комната все больше становилась похожей на школьный класс во время самостоятельных занятий. За столом в углу Яша решал задачу, на подоконнике Тарас переписывал для Пети упражнения из учебника русского языка. За круглым столом посреди комнаты бабушка слушала объяснение урока по географии, в кресле под лампой «шеф» по рисованию выполнял домашний урок—рисовал цветок с натуры.

Сам Петя в это время играл в хоккей за сборную двора.

Через несколько недель Петина бабушка уже отлично знала географию, а по арифметике решала все **задачки**, даже самые трудные, в одну минуту.

АБВГД

Наконец терпение шефов иссякло. Они собрались и под руководством бабушки пришли к старосте.

— Созывай собрание! — сказал Яша Караулов. — Хватит нам мучиться! Давай разбираться в этом Бубенчикове!

...На следующий день к Пете, как обычно, в назначенное время пришли шефы.

— Ну, все уроки сделаны? — спросил Бубенчиков, натягивая лыжные штаны.

— Нет, — ответил Яша.

— Не получается? — рассмеялся Петя. — А еще отличник!

— Не в этом дело, — улыбнулся Яша. — Просто теперь ты прикреплен к нам. Ты — наш шеф. Понял?..

— Нет, не понял, — потряс головой Петя. — Как же так? Вы отличники, а я отстающий. И вы — ко мне? Не может быть.

— Может, — сказал Тарас. — Во-первых, ты — бывший отстающий. А во-вторых, мы — бывшие отличники. Помогая тебе, мы отстали. А ты стал вполне успешным. Так что, Петенька, садись, давай помогай нам.

— А если я не хочу? — Петя обрадовался пришедшей в голову мысли. — Если я стану по-прежнему отстающим — и мы каждый при своем останемся, а?

— Поздно, — сказал Федя. — Раньше ты отвечаешь только за себя. С тебя был один спрос. А теперь — за всех нас. Значит, будут про тебя в стенгазете каждую неделю писать, запретят играть в хоккей, все время родителей будут вызывать.

— Ты за нас теперь отвечаешь головой, чудак! — ласково проговорил Яша и сел за стол, раскрыв тетрадь. — Помоги-ка мне пока вот этот пример решить!

-- Я ж привык отстающим быть, ребята! — перепугался Петя. — У меня бабушка... Она того... лучше меня решает...

— Твое дело, — ответили ребята. — Как хочешь, а за нас отвечать придется! Давай помоги-ка разобраться в домашних заданиях!

И впервые за много дней Бубенчиков сел за учебник, стараясь самостоятельно разобраться в том, что задали на завтра...

Вошедшая в комнату бабушка заговорщически подмигнула бывшим шефам.

Когда в столярной мастерской зазвонил телефон, то на всех верстаках сразу работа остановилась.

— Сюда провели телефон? — удивились ребята.

А Вова Дотошкин встал на свою только что сколоченную табу[ретку и сказал, как на митинге:

— Товарищи! Вы слышали голос автоматической телефонной станции! Кружок юных техников сделал ее « подарил школе! В ней тридцать номеров!

Ребята зааплодировали.

В этот день раздалась звонки и в слесарной мастерской, и в физическом кабинете, и в учительской комнате, и в спортзале, и во многих других школьных помещениях.

И даже школьники младших классов, которые никакого отношения к этой работе юных техников не имели, ходили радостные — кто еще может похвастаться собственной телефонной станцией!

— А мы сделаем еще одну, — сказал Вова Дотошкин, — на сто номеров, и подарим ее подшефному колхозу...

Только Боба Белоручкин из 4 «А» ходил и посмеивался:

— Подумаешь, фокус-покус! Чего тут изобретать, когда таких станций в одной Москве считать не пересчитать! Да уж если строить автоматы, то... Да я бы такое изобрел... Мне бы два свободных дня — вот я бы показал.

— Вот если бы ты все время учился хорошо, — произнес Дотошкин, — да еще в кружках занимался, — тогда, может быть, смог бы что-нибудь изобрести...

— Ах, так? — возмутился Боба. — Да я возьму и построю такой автомат... такой...

— Какой автомат? — спросил Дотошкин. — Ну что он будет делать?

— Какой автомат? Автоматический! — поднял вверх палец Белоручкин. — Ну, я пошел конструировать!

Белоручкин тут же отпросился у классного руководителя домой — сказал, что от мыслей заболела голова.

Дома он бросил портфель на кровать и сказал устало:

— Мама, я буду строить автоматическую машину.

Прошу мне не мешать. С ее помощью я утру нос Дотошкину и всем этим физикам... то есть техникам...

И Боба, забыв пообедать; принялся разбирать телевизор на составные части.

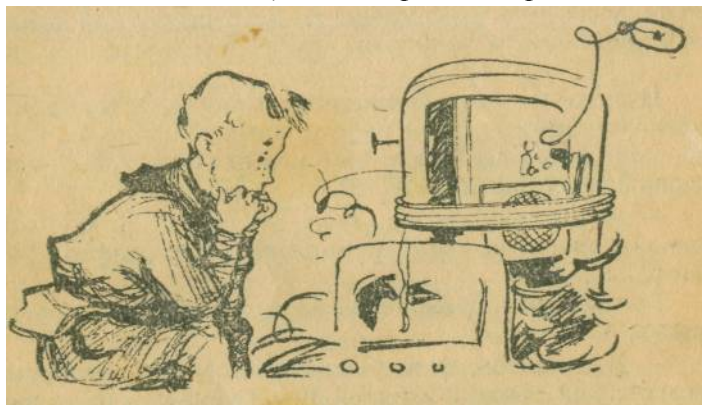
— Бобочка, — взмолилась мама, — но ведь телевизор в полном порядке!

— А испорченный мне не нужен!—ответил Белоручкин. — Тихо, мама, тихо — автоматика требует жертв!

Через час Боба принялся за радиолу.

Мама положила на голову холодный компресс.

После того как Боба, управившись с радиолой, взялся за холодильник, мама спросила страдальчески:

— Что же ты хочешь сконструировать?

— АБВГД-1,—ответил Боба.

— Алфавитную машину? — не поняла мама.

— Автомат **Белоручкина** — воспламенитель «Горящий дьявол», модель номер один,—снисходительно улыбнулся Боба.—Эй, бабушка! Вытаскивай книжный шкаф из моей комнаты! Для автомата место нужно!

Утром, после того как почти все приборы в квартире Белоручкиных были разобраны и все части свалены в одну кучу, мама с бабушкой пошли в школу.

— Что это за такое домашнее задание вам дали? — спросили они ребят. — Боба целую ночь возился в своей комнате, туда войти нельзя — сплошные искры, пар «грохот... Только и слышно: «Автоматика требует жертв! Я им утру нас!»

Классный руководитель послал Дотошкина выяснить, что происходит с Белоручкиным.

Комната Бобы походила на склад утильсырья. Ее загромождали десятки колес, шестеренок, тазов, резервуаров, ящиков, ламп, каких-то странных ременных передач, валов и маховиков. Все это было оплетено проводами и веревками.

— Что такое? — изумленно спросил Дотошкин. — Боба, что ты делаешь?

— АБВГД-1 — ответил Боба откуда-то из-за ящика.— Приходите послезавтра — я вам продемонстрирую автомат Белоручкина воспламенитель «Горящий дьявол». Весь ваш кружок автоматически умрет от зависти! Недаром я на прошлой неделе четверку получил.

— Первый раз, — сказал Дотошкин.

—с Первый раз видишь такую машину? — гордо спросил Боба.

— Первый раз за год ты получил четверку. И то после того, как мы с тобой две недели занимались каждый вечер.

...Белоручкины уже не смотрели телевизор, не слушали радио, не могли пользоваться холодильником. Пылесос, электрополотер, даже вентилятор — все было мобилизовано Бобой.

— У вас автоматика какая-то странная, — сказал Дотошкин.—Обычно автоматы приносят большие удобства и выгодны для тех, кто ими пользуется... А у вас, наоборот, из-за АБВГД-1 вся квартира страдает... И зачем вы разрешили Бобе испортить телевизор, радиолу, холодильник?

— Что ж делать, если Бобочка захотел быть автоматчиком,— сказала мама, — он такой талантливый, такой непосредственный... Пусть дерзает... Мы в крайнем случае купим новую аппаратуру...

— Важен конечный результат, — сказал Боба, наскоро пережевывая апельсин. — Мой автомат потрясет всех! Это не какой-нибудь там телефонный узел на 30 номеров! Ха!

И он снова ушел к себе в комнату.

В назначенный день все члены кружка юных техников пришли к Бобе.

Изобретатель АБВГД встретил их радушно:

— Милости прошу к моему автоматическому шалашу, — сказал он.

Но войти в комнату Бобы было невозможно: ее всю загромождали механизмы. В дверях Боба прорубил маленькое полукруглое отверстие, похожее! на окошечко кассы. Над ним сверкали ярко-красные буквы: АБВГД-1.

— Принцип работы моего автомата-воспламенителя «Горящий дьявол» таков, — начал Боба, — в результате присоединения к электросети мы можем включить мощные нагреватели...

— Господи, — вздохнула бабушка, — неужели опять включать будешь? Вчера уже десять раз пробки перегорали!

— Бабушка, — сказал Боба, — сейчас идет просмотр для кружка, а ты пока еще не юный техник! Итак, я продолжаю... Нагреватели доводят воду в резервуарах до точки кипения, пар приподнимает крышки... то есть поршни... они, крыш... поршни... толкают шатуны. Шатуны в свою очередь вращают... Словом, далее, путем различных механизмов и приборов, я заставляю радиолампы накаливаться до такой степени, что они воспаляют положенную на них спичку. Вот прошу убедиться...

Боба достал спичку, всунул ее в дверное окошечко и свысока оглядел ошарашенных ребят.

«Что? Каково? — говорили его глаза. — Ага! Даже слов не находите от восхищения! Тут вам не телефонная станция!»

*• — ...Но ведь это АБВГД давно изобретено, — сказал Дотошкин. И поднял с пола брошенный Бобой спичечный коробок. — Вот, тоже воспаляет спички!

— Но ведь спячкой надо чиркать, — усмехнулся Боба. — А тут положил... Она и вспыхнет... Очень просто и экономно.

— Значит, этот твой «Горящий дьявол» — простая зажигалка? — спросил кто-то из юных техников

— Да, но я буду ее совершенствовать, — сказал Белоручкин, беспокойно заглянув в оконце. — Период воспламенения можно сократить с двух минут до нескольких секунд... Бабушка, подожди зажигать газ, сейчас я тебе принесу горящую спичку! Радиолампы почему-то слабо нагреваются пока еще, — извиняющимся тоном добавил Боба.

— Да ты, же, Бобочка, наверное, забыл включить аппаратуру, — подсказала мама.

— Ах! — Изобретатель АБВГД нырнул за дверь, слышалось какое-то шелканье. — Теперь — полный порядок!

Юные техники продолжали растерянно наблюдать за Бобой — им казалось, что Белоручкин шутит, а это громоздкое сооружение не простая зажигалка, а что-то более значительное. Неужели же Боба испортил столько дорогих и нужных приборов лишь для того, чтобы...

— Трах-х! — слышалось в комнате Бобы. — Бум-м! Раздалось шипение пара, заискрились контакты.

Бабушка Бобы сноровисто подставила лестницу под распределительный щиток и полезла вверх выкручивать пробки.

Но она опоздала! Змейка огня поползла по паутине проводов.

— Ребята! — распорядился Дотошкин. — Ликвидировать короткое замыкание!

Кружковцы полезли в комнату «Горящего дьявола».

...Когда пожар был ликвидирован, юные техники начали восстанавливать разрушенные Белоручкиным телевизор, радиолу, холодильник.

Боба ходил вокруг ребят и недовольно хмурился. Затем подошел к лежащей на диване матери и сказал:

— Я знаю, почему меня преследуют неудачи! Это все из-за того, что ты не даешь мне денег на папиросы.

Мама так удивилась, что даже сняла с головы компресс.

— Что?

— Посуди сама, — сказал изобретатель АБВГД, садясь на валик дивана. — Если бы я курил, то пользовался бы зажигалкой. А если бы я имел зажигалку, то никогда бы не стал изобретать воспламенитель. Теперь ты понимаешь, почему все великие изобретатели курили? А? Дай мне денег на папиросы и зажигалку!

— Нет, — первый раз в жизни твердо сказала мама. — Теперь я уже не верю в твои конструкторские способности. Будешь заниматься изобретательством в кружке, организованно, вместе со всеми. Посмотри, как они работают! Никто из них не курит, не портит вещей, не кричит о своих талантах, и все они очень вежливые!

СЛОВО

Игорь Салалкип в один и тот же день за одно и то же дело получил благодарность и выговор.

Вот как это случилось.

Игорь с сестрой пошли в гости к родственникам — дяде с тетей.

Дядя и тетя жили недалеко, но Игорь у них бывал редко: столько дел в школе, в отряде, что и у себя-то во дворе поиграть не успеваешь.

А двор в доме, где жил Игорь, — был большой, зеленый, весь в цветах. Даже футбольное поле там ребята сделали. С помощью взрослых, конечно.

Сегодня мама сказала Игорю:

— Дядя и тетя обижаются, что вы их совсем забыли.

Зайдите к ним вместе с Ирочкой.

Ирину хлебом не корми — лишь бы в гости ходить. Она в гостя любит ходить даже больше, чем в куклы играть. Она сразу начинает себя в гостях вести так, будто это она — хозяйин, а вы к ней пришли. Так и в этот раз получилось: Ирина побё&a-Ла чай ставить, начала тете помогать по всяким хозяйственным делам. А дядя еще не вернулся из магазина, куда его послали за покупками.

Игорь посмотрел «Крокодил», про%тал газету, потом решил пойти навстречу дяде и вышел во двор.

Но разве это был двор? Какая-то пустыня! Кара-Кум!

Футболисты азартно спорили, сгрудившись в середине «поля» — утрамбованной, твердой и серой, как асфальт, земли, а девочки в тени парадного что-то читали.

На крыше ветхого сарайчика гоняли голубей трое мальчиков.

Ни травинки, ни кустика, ни цветочка. Ника^х «грибков», качелей, беседок.

«И как только живут люди!» — подумал Игорь с сожалением.

Футболисты позвали Игоря, чтобы он, как человек посторонний, помог им разобраться: правильно был забит гол или нет.

Игорь быстро решил спор. Потом сказал:

— Как вы можете так играть? Вот у нас на дзоре — настоящее поле! Сами сделали.

— А-а, ты с Молодежного проспекта? — обрадовались ребята. — Из дома 17?

Футболисты еще плотнее окружили Игоря. Девочки, сидевшие у парадного, тоже прибежали. Даже один из голубятников соскочил с крыши сарая и протолкался к Игорю. Узнав, что это «парень из дома 17, с проспекта», голубятник спросил:

- — Расскажи, как вы все это у себя соорудили? Эх,

и голубятни у вас хороши! Я заходил, смотрел! Домоуправление вам помогало?

— Все помогали, —• сказал Игорь важно. — Но главное — это мы сами. Сами все строгаи, пилили, копали, сколачивали...

— Сами! — восторженно ахнули девочки. — И ты тоже работал?

— А«как же! — Игорь расправил плечи. — Это для меня пустяки! Я все умею!

В эту минуту, польщенный восторженным вниманием ребят, он и сам верил, что все может и все умеет. И поэтому, когда кто-то спросил его: «Ты **покажешь** нам, как сделать футбольное поле?», Игорь, не задумываясь ответил:

— Конечно.

— А голубятню?!

— Беседку?!

— Клумбу?!

Игорь обещал помочь и в сооружении цветника, голубятни, каких-то «горок» и «стенок», еще чего-то...

— А го у нас, понимаешь, двор - неорганизованный. Нужна помощь... — сказал один из футболистов.

— Нам уже вот так раз пять обещали прийти помочь! — засомневался голубятник. — А потом иши-свиши! Обещалкины!

— Так он же из 17-го дома, — толкнула голубятника в бок одна из девочек. — Там, знаешь, ребята какие! Настоящие пионеры!

Неизвестно, чего бы еще наобещал Игорь, но тут в воротах появился дядя.

— Ждите, в воскресенье с утра я к вам приду, — сказал Игорь.

И уже только за столом, попивая чай, Игорь сообразил, что попал в безвыходное положение. Ведь он же сам почти ничего делать не умеет! Чуть-чуть пилить, чуть-чуть строгать, чуть-чуть красить... А футбольное поле во дворе соорудили без него, летом, когда они с Иринкой были в деревне!

— Что с тобой?! — забеспокоился дядя. — Тебе плохо?

— Почему не пьешь чай? — спросила тетя. — Бе,рн конфеты.

— Может, он подрался с кем-нибудь? — пыталась догадаться Иринка.

Пить чай Игорю уже не хотелось. Конфеты казались горькими-Пирог не лез в рот. Как быть? Ведь ребята зкают, где он живет, как его найти.. Ох, какой позор будет, если они, не дождавшись Игоря, сами придут к нему во двор! И кто дергал Игоря за язык, заставлял хвастаться?! «Все умею, всему научу!» Какой позор!

На следующий день в школе Игорь не удержался и рассказал все своему другу Севке. Севка, как член совета отряда, сразу же взволновался: пионер обманул товарищей, похвастал, не сказал им правды! Как быть?

После уроков весь совет отряда, вместе с грустным Игорем, отправился к нему во двор.

Там школьники устроили совместный сбор с пионерами, живущими в доме 17.

Игорь никогда не слышал столько разговоров о себе. Но <fi> был готов вынести и еще худшее испытание.

лишь бы товарищи помогли ему одержать слово, данное ребятам дядиногo двора!

— Мы тоже хороши, — сказал Севка. — Давно нужно было помочь всем ближайшим дворам. А не ждaть, покa вот такой случaй произойдет...

Он всегда говорил очень серьезно, этот Севка. И так у него складно все получалось, что Игорь любил слушать друга. Севка выбирал такие слова, что, казалось, вроде и не о тебе вовсе говорят. Будто кто-то другой нахвaстался, надавал обещаний... Умный парень Севка, ничего не скажешь!

— Здесь затронута честь галстука, честь всех пионеров! — продолжал Севка. — Мы должны помочь ребятам этого двора. В воскресенье все, как один, — к ним!

Воскресным утром Игоря, который пришел вместе со всем отрядом на дядин двор, тамошние ребята встретили, словно героя.

— Я же говорила! — суетилась какая-то девочка. — Уж раз он дал слово, так он его сдержит! Я же говорила!

Среди гостей нашлись специалисты и по голубятням, и по цветникам, и по качелям, и по футбольному полю. Гости и ученики работали бок о бок.

Игорь трудился радостно. Лопата так и сверкала в его руках.

А через две недели — когда дядиногo двора и узнать уже было нельзя, таким он стал красивым!—Игоря одновременно огорчили и обрадовали. Словно обли*-"1" горячей и холодной водой сразу: совет отряда дал Игор# выговор за хвастовство и обман, а вновь избранный совет домовой дружины, состоящий из ребят дядиногo двора, просил передать Игорю благодарность за помощь. Вот как бывает!

ТАИНСТВЕННЫЕ ЛОЖКИ

— С каждым днем дежурить по кухне становится все легче и легче! — шутили туристы. — Скоро посуда будет исчезать не по дням, а по часам!

На самом деле работы дежурным, разумеется, все-

гла хватало. Но в этой шутке была и доля правды: с каждым днем все меньше становилось ложек.

Нас в поход вышло двенадцать человек — половина пятого «А» класса. И, конечно, Иван Поликарпович — наш классный руководитель. У каждого была с собой ложка, миска. Ежедневно назначались двое дежурных по лагерю и кухне: они прибирали палатки, варили обед, мыли и чистили посуду. Миски остались все до единой целы и невредимы, а ложки таяли, словно были сделаны из сахара, а не из алюминия. Шесть дней, как мы в лесу, и уже шестерым из нас приходилось есть самодельными ложками из бересты и дерева или ждать, пока пообедает кто-нибудь из «счастливицев».

Конечно, каждый пытался найти причину этому таинственному явлению. Когда исчезла перовая ложка, **решили**, что она **Нотерялась**. Вторая же, вполне ве-

роятно, могла затеряться в траве или **сене**." Но третья?.. Четвертая?

Первые шесть дней пропадало по одной ложке.

Рыжеголовый Генка, наш лучший повар, стал беспОкойным и озабоченным.

— Я уже пять дней над этой тайной бьюсь, — сказал он за ужином. — Кажется, на правильный путь вышел. Завтра, может, все ясно станет. Ложки наши на место вернутся!

Но сколько мы ни просили Генку рассказать нам, что ему удалось открыть, он категорически отказывался:

— А вдруг все не так совсем? Сами же надо мной потом смеяться будете!

На следующий день пропала седьмая ложка. В наличии осталось пять. Генка помрачнел еще больше. После обеда он пошел было вместе со всеми за малиной, но на середине дороги попросил Ивана Поликарповича:

— Отпустите меня... я сегодня обязательно воров поймаю... я уже все придумал...

Лес здешний Генка знал, как и все юные туристы, отлично. Поэтому Иван Поликарпович за Генку мог не волноваться. **Ион** разрешил ему идти «по следам тайны».

Когда ребята вернулись из малинника, то дежурные сообщили, что пропало еще сразу две ложки. А Генка молча сидел на пенке возле своей палатки и жевал ка-огорченной. физионо-кую-то длинную травинку. По его на этот раз мин сразу можно было догадаться: тайна и осталась тайной.

Туристы начали оживленно обсуждать новости: еще две ложки исчезли! Три за один день! Это уже было что-то новое. Видимо, похитители **изменили** методы кражи!

На тринадцать человек теперь оставалось всего три ложки! Ужин затянулся почти втрое дольше обычного: ели в четыре смены!

— Гена, — сказал Иван Поликарпович, — ты ведь хотел разобраться в этом деле в одиночку, верно? Но, судя по результатам, у тебя ничего не вышло. Может быть, нам всем вместе стоит взяться за эту тайну? -

— Да, я не рассчитал скорости, — чуть не плача, признал Генка. — Кто ж думал, что они так быстро... раз-раз — и нет никого...

— Кто это? Кто? — закричали ребята.

— Завтра сами увидите, — ответил Генка. — После завтрака мы их все вместе поймаем...

На следующий день после завтрака Генка взял одну из трех оставшихся ложек, почистил ее хорошенько и положил на пенек возле палатки.

— Ребят, Иван Поликарпович, нужно расставить вот по этому направлению, — сказал Генка. — По одному через каждые пять-десять шагов... И пусть смотрят, куда наша ложка полетит.

Сделали по-генкиному: растянулись по лесу цепочкой. А Иван Поликарпович с Генкой спрятались в палатку и оттуда наблюдают.

Ложка на пеньке под лучами солнца, как кусок зеркала, блестит. Меж палатками штук десять сорок бродят — крошки подбирают от нашего завтрака. Вдруг одна сорока боком-боком подскакала к пню, вскочила на него, покрутила головой, попрыгала через ложку. Потом схватила ее и полетела к лесу. Правильно Генка марширует ее указал: сорока летела прямо туда, где начиналась наша цепочка.

Сам Генка бросился за ней. Иван Поликарпович — следом.

Как и договорились, ребята не кричали, — а то еще сорока испугается, ложку выронит. Все бегут за ней молча, только хруст по лесу идет.

Когда туристы выбежали на большую поляну, последний-ч цепочке сказал:

— Вон туда она понесла ложку!

И показал на старую сосну.

— Точно! — подтвердил Генка. — Я за этой сосной уже три дня наблюдаю! Там должны все наши ложки лежать!

Тут нам наш лучший повар рассказывает такую историю: все ложки он сам сорокам подбрасывал. Кроме первых двух: их птицы стащили. А Генка это увидел и решил поставить опыт: положил ложку на пенек. Сорока ее унесла. Генка — за ней. Проследил полпути, потерял из виду. На следующий день еще ложку положил. Опять до конца не удалось проследить. А в тот день, когда три ложки сразу пропали, упрямый Генка решил во что бы то ни стало гнездо отыскать. Три раза опыт повторял. Нашел эту сосну, лазил на нее, но ничего не обнаружил.

Когда Генка кончил свой рассказ, все наперебой заговорили:

— Вон она, ворона, — належке обратно летит!

— Полезли на дерево!

— А как узнать — может, это не та сорока?

— Так ведь гнезда по всем соснам разбросаны! На все деревья и лазить?

— Подумаешь! На все и полезем!

— Вот, Гена, — сказал Иван Поликарпович, — если мы не все ложки найдем, то виноват будешь ты вместе с сороками! Опыт можно было бы ставить и не на ложках. Завернул кусочек дерева в серебряную бумажку — и приманка готова.

— Я думал, что они именно ложками интересуются, — смущенно ответил Генка, ероша свою рыжую шевелюру.

— Сорока-ворона кашку варила! — поддразнил кто-то.

— Ну, ребята, начали поиски! — приказал Иван Поликарпович.

Туристы быстро распределили, кому на какое дерево лезть.

Две ложки нашлись сразу. Они были аккуратно сложены в развилке сучьев на высоте пяти-шести метров от земли.

Потом Генка, который старался больше всех, нашел еще одну.

Через полчаса Иван Поликарпович обнаружил ложку... на земле. Она была воткнута в муравейник, наружу торчала только ручка. И на ней сидело столько муравьев, что нельзя было даже догадаться, какого она цвета.

— Это вчерашняя ложка, — сказал Иван Поликарпович. — Мы ели малиновое варенье, и дежурные ее, видимо, плохо вымыли. А сорока ее выронила. Впрочем, ложка могла и выскользнуть из гнезда.

В этот день больше ложек обнаружено не было. И на следующий день тоже. Хотя ребята облазили все сосны вокруг. Наверное, ложки украли те сороки, которые жили дальше, на другой поляне.

Но Генке повезло. Он нашел на дереве целый склад утильсырья: горлышки бутылок, какие-то дужки, металлические пуговицы и два медных котелка. Когда-то котелки ррррели, как пламя, а теперь позеленели, потускнели.

— Как их сороки сюда затащили? — удивился Иван

Полцкарпович. — Ведь одной птице котелок не утащить. Вот вам, ребята, загадка...

На следующий день, после того как туристы вернулись из похода домой, Генка притащил на туристскую станцию шесть алюминиевых ложек.

— Неужели ты их отыскал? — удивились ребята.

— Сорока на хвосте принесла, — засмеялся Генка. — Не люблю быть в долгу. Я виноват в пропаже? Виноват. Получайте свой инвентарь!

• — А деньги на их покупку у мамы занял?

— Наоборот, еще маме сдачу отдал, — сказал Генка. — Я снес в ларек металлолома те два медных котелка, которые **нашел** на сорочьем» складе!

САМОЕ ВЕРНОЕ СРЕДСТВО -

— Ну и что тут особенного? — сказал Женя, когда старший брат радиотехник Лева показал ему школьный пенал.— Самая обычная деревяшка! У нас с такими в школу только девчонки ходят!

Лева ничего не ответил, сунул пенал в руки Жене и вышел из комнаты.

— Ему-то что, — вслух подумал Женя, — а вот у меня завтра утром...

И Женя загрустил. Ах, как все нехорошо получилось! И зачем он соврал Диме? Как теперь быть? Что придумать?

Уж как-то он очень неожиданно появился во дворе, Дима Соколовский, их звеньева.

Женя стоял в воротах. Шурика из 10-й квартиры, постоянного вратаря, родители увезли на дачу, и Жене пришлось заменять его.

— Женька — лучший вратарь квартала! — объяснили Диме Соколовскому ребята. — Он пропустил в ворота всего пятнадцать мячей.

— Пятнадцать! Это же безобразие! — ужаснулся Дима.

— Да, но за три дня! — оправдывался Женя. — Я играю уже сорок пятый матч!

Звеньева только покачал головой.

• — Постои! — закричал Женя. — Так ведь мы ж с

тобой не виделись все лето! Где ты был? С кем играл и футбол?

После взаимных расспросов Дима сказал:

— Хотелось бы перед началом занятий в школе провести один сбор звена. Ты не против?

— Очень здорово! — обрадовался Женя. — Можно у меня на квартире. Как обычно, все на работе, никто нам не помешает.

— Хорошо, значит, завтра соберемся, — решил Дима. — Поговорим о лете, кто что сделал во время каникул, кто как **ф-дохнул**.

— Я отдохнул здорово! — улыбнулся Женя. — Сорок два пенальти забил!

— Молодец! Вот и расскажешь, в каких матчах участвовал, какие коллекции собирал, куда ходил на экскурсии. Ты ведь, конечно, не только в футбол играл?

— Да... — неуверенно отозвался Женя, — не только... В чехарду еще, в лапту, в чижика... Несколько походов на стадион сделал...

— Ну, а книги? Помнишь, ты же сам на последнем сборе перед каникулами предложил: пусть каждый летом прочтет не меньше... я уж не помню точно, сколько книг.

— Прочел! — бодро соврал Женя и сразу же спохватился: «Он, как нехорошо! Надо сознаться, пока не поздно...»

Но было поздно: Дима уже шагнул на улицу.

— Значит, завтра в 12 у тебя, — крикнул он на прощание. — До свиданья!

— Нужно было сказать: мол, времени не было! — ругал себя Женя. — То тренировки сборной переулка, то матч-турнир трех дворов, тр первенство тупика... Как же теперь быть?..

...Этот вопрос «как теперь быть?» не оставлял Женю;) весь день. И теперь, сидя вечером дома, Женя пытался найти какую-нибудь лазейку. Заболеть? Удрать из города, а **потом** сказать, что вызвала бабушка на дачу? Как быть? Да еще этот дурацкий пенал зачем-то Лева подсунул! Опять какие-нибудь радиоштучки!..

— Что это ты сегодня такой мрачный? — вдруг **раздался** тихий голос.

Женя **вздрагнул**, огляделся.

— Это я с тобой разговариваю... Не вертись по стономам, — захихикал пенал.

— Что вы сказали?—едва смог прошептать Женя.
— У тебя, наверное, какая-нибудь неприятность? — спросил пенал.

Мама сидела рядом, в двух шагах, у окна и шила. Женя внимательно взглянул на нее — она ничего не слышала. Видно, пенал говорил очень тихо, хотя испуганному Жене казалось, что он кричит, как радио, включенное на полную мощность.

Женя осторожно отодвинул крышку пенала. Под ней заблестели какие-то катушки, проволочки, винтики.

— Не трогай, слышишь, не трогай меня! — зашептал пенал.

Ну как он сразу не догадался! Это же вставлен в пенал тот самый радиоприемник-малютка, который Лев? хочет послать на выставку! Вот это да! Такой бы пенал заиметь! На уроки с ним ходить!

Лева вошел в комнату.

— Как слышимость? — спросил он. — И зачем ты полез поп крышку?

— Я там ничего не трогал! — замахал руками Женя. — А приемник — это здорово!

Брат взял приемник и пошел с ним в свою «мастерскую» — так все называли чулан, где стоял Левин коротковолновый передатчик и еще какие-то приборы с мудреными названиями.

В коридоре зазвонил телефон. Трубку сняла мама.

— Женя, тебя!

Говорил Лучший Женин друг Володя — одноклассник и вратарь сборной трех переулков.

— Понимаешь, одну книгу из списка я не успел прочитать, — волновался он, — «80 тысяч километров под водой» Жюль Верна. Что бы такое придумать? Неудобно ведь будет на сборе сознаваться: не прочел, дескать, в футбол играл. Как быть? У тебя, кажется, все прочитано?

— У меня все в порядке! • — радостно ответил Женя. — Я нашел верный способ ответить на все вопросы! Приходи ко мне завтра пораньше!

— ...Пенал мне все подскажет, — напелал Женя, садясь за стол, — а Вовка все мне скажет!.. «Ведь мама сидела у окна и не слыхала Лезинового голоса? — размышлял он. — Если же я сяду подальше от всех, то никто не услышит Володиного голоса! Верное средство!»

Женя взял ручку и начал сочинять программу завтрашней передачи.

«Вопросы» написал он крупными буквами слева. А справа вывел «ответы».

Через несколько минут лист выглядел так:

1. Что я собрал за лето? Всех местных жуков, всех стрекоз и всех бабочек.

2. Экскурсии и походы. Третьяковская галерея. Исторический музей.

3. Что я читал? «Хижина дяди Тома Сойера».

— Кто же автор этой «Хижины»?—ломал голову Женя. Так и не вспомнив, он вычеркнул эту книгу и написал более знакомые:

«Путешествие на Луну»,
«80 тысяч километров под водой»,
«К Северному полюсу».

Далее следовало выписанное из книг описание Третьяковской галереи, краткое содержание романа Жюль Верна, пересказанное Левою, прочие необходимые сведения.

— И, самое главное, ничего не надо запоминать! — радовался Женя. — Все подскажет пенал!

Заснул Женя очень довольный собой.

Утром пришел Володя. Выслушав, что от него требуется, он долго не соглашался, но перспектива участия в самой настоящей радиопередаче его в конце концов соблазнила. Они с Женей даже успели провести одну репетицию.

Уговорились так: перед тем как придет Женина очередь рассказывать о лете, Володя выходит из комнаты, словно ему срочно требуется позвонить по телефону. А сам идет в Левину «мастерскую». Оттуда он передает Жене сначала ответ на первый вопрос, потом на второй и так далее... Ведь Вова не будет слышать, о чем спрашивают Женю, поэтому ему нужно придерживаться строгого порядка, чтобы не перепутать ответы.

Женя очень волновался: как бы в самый ответственный момент радио не испортилось. Но пенал работал отлично. Средство и на самом деле оказывалось верным!

Но когда пришли ребята, и сбор начался, то события стали разворачиваться совершенно неожиданно.

Сначала, правда, вес шло хорошо. Женя уселся несколько поодаль от ребят, возле окна. Когда подошла его очередь рассказывать о лете, то Вова вышел в коридор позвонить по телефону.

•— Ну, так что же ты прочитал за лето?—спросил Дима.

— Всех местных жуков, всех стрекоз и всех бабочек,— подсказал пенал ответ на первый вопрос составленной Женен шпаргалки.

— Всех... жуков прочитал... всех стрекоз... и бабочек тоже... — покорно, повторил Женя, чувствуя, что говорит совсем не то. — То есть... я хотел... прежде чем рассказать о книгах, я расскаж\ о коллекциях... — начал выпутываться Женя.

Ребята удивленно переглянулись.

— Ты хочешь сказать, — пришел на помощь Дима, — что собрал такие большие коллекции, как...

— Зоопарк, — продолжал подсказывать пенал ответ на следующий вопрос, — Третьяковская галерея, Исторический музей...

— Зоопарк... — автоматически повторял Женя,—Тр. псковская...

— Что с тобой? — ребята испуганно разглядывала Женю.

— Ты говоришь, — пытался разобраться Дима, — что ходил на экскурсии...

— «К Северному полюсу». — продолжал подсказывать Вова. — «Из пушки на Луну», «80 тысяч километров под водой».

Женя смотрел на пенал, как кролик на змею, и послушно повторял все слова.

Ребята начали хохотать.

Вова в «мастерской» услышал незапланированный шум, доносящийся из комнаты, и спросил:

— Что случилось?

Затем, наверно, он сдвинул рычаг регулировки громкости звука, потому что пенал вдруг сказал гулким басом:

— Как дела, Женя? Ты меня хорошо слышишь?

Вот здесь-то и открылась вся **хитромудрая** пенальная механика.

...Через час, после детального обсуждения поступка друзей, подошла и Володина очередь отчитываться за каникулы. Дима сразу спросил Возу о «80 тысячах километров под водой».

Женя даже зажмурился от ужаса: ведь именно этой книги Вова не читал!

Но лучший вратарь трех **переулков** очень хорошо рассказал о капитане Немо, о подводной лодке «Наутилус» и даже упомянул о знаменитой советской подводной лодке «Северянка», которая ничуть не уступает фантастическому «Наутилусу».

— Как же ты сумел все так подробно запомнить, не читая книги? — спросил Женя друга после сбора. — Паверное, изобрел какое-нибудь средство?

— Самое верное! — сказал Володя. — Я прочитал -лу книгу-за вчерашний вечер **т сегодняшнее** утро!

НОВОЕ НЕБО

Профессор взглянул на большие настенные часы и сказал:

— А теперь, заканчивая **наш** разговор о завоевание Космоса, я прошу всех перейти в лабораторию, где продемонстрирую вам одно весьма примечательное **наглядное** пособие...

В клубе никакой лаборатории не было, и ребята **удивленно** притихли.

— В нашем распоряжении всего.:, десять... пег —

одиннадцать минут, - продолжал профессор. — Идемте, товарищи!

— Через одиннадцать минут над нами Спутник пройдет! — догадался кто-то. - Вот это действительно наглядное пособие!

С той поры как взгляды всех людей мира все чаще и чаще начали обращаться к небу, по которому разгуливали советские Спутники, астрономический кружок Нома пионеров СтройГЭС стал самым популярным кружком среди ребят

Даже члены клуба юных автолюбителей и те не могли мечтать об авторитете, которым пользовались «знатоки Вселенной».

Юные астрономы организовали регулярные наблюдения за Спутниками, привозили на свои собрания известных ученых из ближнего университетского города, даже сами ходили читать Лекции в соседние школы.

В этот вечер приездный профессор очень интересно рассказал о проблемах, которые решаются астрономами в связи с предстоящими полетами во Вселенную,

...До прихода Спутника оставалось девять минут.

Густые сумерки окутывали поселок.

— Звезды проклюнулись уже, — сказала остроносенькая Феня из 6-го класса. — Вега вон стоит почти в зените... А Сириус-то, Сириус — ну просто прожектор!

Звезды были прохладные, свежие, как сверкающие капельки росы. Яркий Сириус висел над Домом пионеров, словно сочная спелая ягода. Казалось, стоит влезть на крышу, протянуть руку — и звезда послушно ляжет в ладонь.

— Скажите, — спросил кто-то из взрослых прохожих, остановившихся возле профессора, — а про каналы на Марсе никаких новостей нет? Может, это ихние великие стройки против засухи?

— Считается почти доказанным, — ответил ученый, — что каналы на Марсе — это ошибка.

— Запланировали неверно или построили плохо?

— Нет, это ошибка наблюдателей... Несовершенство методов наблюдения. Никаких каналов там нет..., — вперевод заговорили юные астрономы.

В это мгновение небо, теряя звезды, испуганно отпрянуло назад: на стройке зажглись огни. Огней было столько, что с холма, на котором расположился поселок казалось, будто небо опрокинулось и все звезды горят теперь внизу, под ногами.

Небосклон потускнел, а наиболее застенчивые представители Вселенной поморгали-поморгали, да и стали почти невидимыми, словно поняли, что им бесполезно состязаться в яркости с огнями будущей ГЭС.

— Теперь нам для наблюдений приходится отъезжать километров на десять в сторону, — сказал Паша, сын знатного экскаваторщика. — Вечером отсюда, кроме Луны, и не увидишь ничего.

— Скоро будем в планетарий писать, — звонко произнесла Феня, — пусть помощь звездам присылают.

— А когда строительство закончено будет, — продолжал Паша, — то и Луна самоликвидируется. Не та сила света у нее.

— Луну оставьте в покое! *—засмеялся профессор. — Как же, например, без нее художники да поэты обходиться будут? Нет, Луну давайте трогать не будем... Когда я был у вас полгода назад, то на небе звезд было больше, а на стройке — меньше. Теперь — наоборот. Значит, звезды спустились на землю. А так как я

специалист только по небесным светилам, то вы должны помочь мне ориентироваться среди светил земных.

— Пожалуйста, — охотно согласилась Феня. — Только с чего начать? Вон слева — алые звездочки. Это те земснаряды, команды которых выполнили досрочно месячное задание. А вот — яркая звезда, видите? Это — Юпитер. Прожектор кинохроники. Там снимают экскаваторщиков. Интересуются многие, как Пашин отец работает. Справа — Млечный Путь. Вон как огоньки вдоль шоссе струятся! Этой дорогой в ясли, в детсад, в столовую из совхоза молоко возят. Двойных звезд сколько угодно: глядите, автомобили по дорогам катятся. И мелкие метеориты есть — велосипедные фарики... >•

— Лишь туманностями, я вижу, ваше земное небо ие богато, — пошутил профессор. — Строители за ясность в любом вопросе!

— Идет! Идет! Спутник идет!

— Где?

— Северо-северо-восток!

— Досрочно идет! На две минуты перевыполнил план по скорости!

— Да что вы, ребята, это же реактивный самолет!

— Эх, ты: «идет, идет!»! Самолет, конечно же. Ого, вот еще один летит!

— ТУ-104, наверное...

— А вот и наша самая главная звезда зажглась, — сказала Феня. — Видите, прямо против нас? Это значит: строители котлована перевыполнили суточный план.

-- Идет, идет! — послышались возгласы.

На этот раз наблюдатели не ошиблись.

Очередной советский Спутник спокойно и величественно шел по небосводу. Он был ярче всех звезд и двигался уверенно, по-хозяйски. Реактивные самолеты скрылись, словно освобождая ему дорогу.

Несколько минут, во время которых Спутник прочеркнул небо от горизонта до горизонта, прошли в молчания. Когда он скрылся вдали, профессор спросил:

— А кто знает, почему человек оказывает ему такое уважение?

— Достижение науки, — отозвался кто-то из кружковцев, ^, .и техники, конечно. •

:— Воплощение древней мечты человечества о завое-

вании Вселенной! — Паша отчеканил фразу, как отличный выученный урок.

— Это все, конечно, верно, — задумчиво произнес профессор. — Но основа в другом. Спутник ведь нашим земным звездам, — он показал рукой на огни стройки, — родственник. Без них, а значит, без нас его бы не было. Как родители на своего сына, который высоко в гору пошел, так и мы теперь на Спутник глядим. Вот в чем причина такого уважения! В небе перестройка начинается, и паше трудовое светило в нем — первый механизм, вышедший на работу. Ясно?

АБСОЛЮТНЫЙ РЕКОРД

Федя решил стать школьным рекордсменом. Во что бы то ни стало! Мог же Мартын быстрее всех пробежать пятьдесят метров, а Пашка подтянуться сорок раз на перекладине! Чем же Федя хуже их?

И Федя прежде всего решил подковаться теоретически. Недаром кто-то из великих спортсменов — не то Юрий Власов, не то Евгений Гришин — сказал: «Рекорд начинает рождаться в тренировках, в предварительных расчетах».

По расчетам получалось все точно: рекорд обеспечен. И было очень обидно: как он, Федя, не догадался прежде стать абсолютным рекордсменом! С той минуты как Федя принялся выполнять свой рекордный графий, он не мог без улыбки смотреть на бегунов, прыгунов и пловцов своей школы.

— Тренируетесь? — усмехался Федя и подмигивал ребятам из своего класса. — Желаю успеха! Я вот тоже* иду па тренировку!

О таинственных Фединых тренировках знала вся школа. Но каким именно видом спорта он занимается, не ведали даже его лучшие друзья.

— Стоклеточные шашки, — предполагали один. — Здесь первым стать легко: в них никто из нашей школы не играет.

— Рекордсменов по шашкам не бывает, —Ж уточнял Мартын. — Есть чемпионы. А Федя заявил, *лс> он идет на побитие рекорда!

— Подводный спорт! — уверяли другие. — Помните,

вчера он все время говорил про ласты, акваланги, маски, акул?

— Это он смотрел фильм «Седьмой континент»! Прото, как люди под водой плавают, на рыб охотятся, открытия делают...

Сам же Федя, когда его спрашивали о тренировках, таинственно шептал:

— Нужно быть терпеливым! Скоро вы обо мне услышите!

И вот однажды он пришел в класс раньше обычного и торжественно бросил на свою парту бумажный пакет, аккуратно перевязанный ленточкой.

— Вот, — сказал Федя, — материалы для утверждения рекорда. Так положено: когда установлен какой-нибудь рекорд, нужны доказательства. Про это я много раз читал. Даже когда Юрий Власов выжал штансу, то ее после этого еще раз взвешивали — чтобы ошибки не произошло.

Когда развязали пакет, то в нем оказалось пять пакетиков поменьше. В каждом маленьком пакетике было по пачке пронумерованных старых билетов в кинотеатры

— Что это такое?—удивились ребята.

— Двести пятьдесят билетов, — гордо ответил Ф>

ля. — На обороте каждого написано, какой фильм я смотрел по этому билету, где и когда. Двести пятьдесят фильмов за полгода — абсолютный рекорд! Кто больше, а?

— Вот они, твои тренировки! — ахнул Мартын. — Двести пятьдесят раз побывал в кино за шесть месяцев?

Честное пионерское! — подтвердил Федя. — Иногда даже приходилось на вечерние сеансы пробираться — знаете, как трудно было! Но ведь для рекорда не то сделаешь!

Ребята с уважением разглядывали билеты, читали записанные на них названия кинокартин.

— «По ту сторону», — прочел Пашка, чемпион школы по подтягиванию на перекладине. — Это про что же?

— А «Моряки»? Федя, расскажи!

— Лучше — про «Стального солдата», — предложил Мартын.

— Да что вы, ребята, — укладывая билеты в стопочки и перевязывая их ленточками, сказал Федя. — Я и не помню уже этих картин! Иногда подряд три сеанса отсидишь — все перепутается...

— Тоже мне рекордсмен,—громко сказал Пашка. — Зачем же ты в кино ходил, если ничего у тебя в голове не осталось?

— Да разве это имеет значение?—закричал Федя. — Главное — двести пятьдесят раз. А вы, все вместе взятые, сколько картин просмотрели за это время? Двести, а может, и того меньше! Вам меня никогда не догнать!

И, обиженно поглядывая на расходящихся ребят, Федя продолжал связывать пачки билетов.

Однако Федя добился своего: вся школа зовет его «абсолютным рекордсменом». Правда, самому Феде это звание почему-то не нравится. Может быть, оттого, что к словам «абсолютный рекордсмен» ребята обычно прибавляют «потерянного времени»?

ШАХМАТНАЯ НОТАЦИЯ

Шахматная нотация — это совокупность условных знаков, применяемых для записи шахматной партии. Каждая клетка шахматной доски имеет свое определенное обозначение, и если вы двигаете, ну, хотя бы пешку

с поля e2 на два поля вперед, то записывается этот ход так: o2—e4. Первым всегда указывается ход белых, затем—черных, предположим: конь b8—сб. Следовательно, первый ход выглядит так: e2—e4 Kb8—сб и т. д. В общем, **это** дело довольно простое, и шахматную нотацию знает любой начинающий игрок.

Роберт Лодочкин славился на всю школу № 196 рассказами о своих спортивных подвигах. Особенно он **любил** распространяться о знакомствах в среде чемпионов и рекорсменов. Брат Роберта, Лодочкин-старший, работал фоторепортером спортивной газеты и поэтому не пропускал ни одного мало-мальски значительного спортивного мероприятия. Роберт, если только было время, всегда увязывался за ним. Лодочкина-младшего интересовали не рекорды и достижения, а фотографии. Больше всего на свете он любил сниматься вместе с известными спортсменами. Брат, среди прочих снимков, всегда ухитрялся сделать такой кадр, на котором Роберт отчетливо просматривался среди рекорсменов и медалистов.

Во время чемпионатов страны по шахматам и матчей на первенство мира школьные любители шахмат просто умирали от зависти, взирая на фотографии, где Роберт пил томатный сок, стоя рядом с Ботвинником, или подавал Котову ферзя, оброненного во время сеанса одновременной игры.

Быть бы Лодочкину-младшему до сей поры уважаемым в школе человеком, если бы не подвела его шахматная нотация.

Масштабы соревнования не могли идти в сравнение даже с чемпионатом Малаховки: шел всего-навсего матч на 20 досках между школами № 78 и № 196.

Роберт взял на себя обязанности организатора соревнования. Возле каждой из шахматных досок родной 196-й школы он положил свои «гроссмейстерские» фотографии:

— Для «психической атаки»! — пояснил он. — Знай наших!

Только ребята сели за игру, как пронеслась весть: з учительской комнате тоже идет дружеская схватка — между двумя директорами школ.

— Выиграет наш Иван Иванович! — говорили уверенно шахматисты 78-й школы.

— Спорим, что наш Иван Петрович поставит мат вашему Ивану Ивановичу! — предложила 196-я школа.

— Пусть победит сильнейший, — мудро сказал очкастый мальчик, «первая доска» 78-й школы. — Но интересно было бы иметь запись этой партии... Товарищи, кто проникнет в учительскую и сделает нотацию?

— Лодочкин! — дружно закричали все. — Он с Ботвинником соки пьет, Котову ферзей **подает** — он со всеми гроссмейстерами знаком.

— А что ж, — сказал Роберт, — и пойду, и запишу. Очень даже просто. Только дайте бумагу и вечное перо. Вы тут играйте, не волнуйтесь, положитесь на меня.

Он вошел в учительскую и очень вежливо, от имени шахматистов двух школ, попросил разрешения у директоров присутствовать при игре. Ему разрешили при условии, что он будет сидеть тихо. Роберт разложил бумагу и принялся записывать партию.

...Турнир уже закончился победой 196-й школы со счетом 12:8, а директора все еще играли.

Наконец из учительской вышел усталый Роберт, неся два исписанных с обеих сторон листа бумаги.

— Ничья, — сказал он, отдавая запись очкастом мальчику, «первой доске» 78-й школы. — На 38-м ходу.

— Так, посмотрим, — сказала «первая доска». — Иван Иванович очень любит каталонское начало... или дебют Рети... Ничего не понимаю! Где же запись?

— Не знал, что в вашей школе имеются **неграмотные**,

ученики, — гордо сказал Лодочкин. — Мою запись свободно прочтет любой первоклассник, который знает буквы.

— Посмотрите-ка, ребята, — растерянно произнес «первая доска», — что тут написано!

Юные шахматисты сгрудились вокруг листков с записью, и через минуту в зале раздался смех, такой громкий, что от него попадали шахматные фигуры с досок.

Вот как «друг гроссмейстеров» записал партию:

БЕЛЫЕ: Иван Иванович

ЧЕРНЫЕ: Иван Петрович

1. Вот так-с...	Прошу вас.
2. Знаем мы вас, как вы плохо играете в шахматы!	Давненько не брал я пешек в руки...
3. Пешки не орешки.	Пустякесы.
4. Шахнем для начала.	Люблю коня в начале мая...
5. Так-с. так-с...	Гм, гм...
6. Шах.	Увидел мастер шах и шахен был пленен...
7. Еще разик, еще раз...	От этого не умирают!
8. А вот так?	Тем более.
9. А так вот?	Просю, просю, сказала королева, то бишь ферзь.
10. (см. ход 3)	(см. ход 5)
11. (см. ход 5)	(см. ход 3)

Так были записаны все 38 ходов...

Когда из учительской комнаты привлеченные бурным весельем вышли оба директора, Роберта в зале уже не было. В этот вечер он больше так и не появлялся. «Психические» фотографии разобрали — на память! — участники матча.

— Ох, и ругаться же будет Лодочкин! — сказал кто-то. — Он эта фотографии, знаете, как бережет?

Но странное дело: на следующий день Роберт пришел в школу и о фотографиях даже не заикнулся. А когда ему о них напомнили, он сказал:

— Не интересуюсь! Времени нет! — и демонстративно раскрыл учебник шахматной игры для начинающих.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ЛУЖИ

В четвертый «Б» класс пришел новый ученик. Он был таким смуглым, что фамилия Углев казалась придуманной нарочно. Белесые, словно выгоревшие брови, как два жгутика зубной пасты, резко выделялись на загорелом лице. Но когда Углев снял фуражку, то он сразу освет-

лел: золотой ежик волос будто осветил лицо, и даже темно-серые глаза стали голубыми.

— Меня зовут Ивася, — сказал новенький.

— Не Иван, не Вася, — засмеялся Федя Корешков, «безобразник номер один», как его назвали на родительском собрании. — Такого имени и нет вовсе — Ивася. Смехота!

Углев одернул гимнастерку, подошел к Феде и быстрым движением вздернул руку: перед носом Корешкова замаячил смуглый жесткий кулак.

— Нет, я, что же... — уважительно см-отря на кулак. сказал Корешков. — Я ничего против не имею. Ивася — значит, Ивася.

И он даже добавил, что это имя нравится ему гораздо больше многих.

Углев, как выяснилось на первой же перемене, три года жил в городке строителей, а когда стройка закончилась, то вернулся назад, в поселок.

— Я летом помогал урожай убирать! — как бы между прочим заявил Ивася.

— А мы и сейчас помогаем, — гордо заявила Нина Пашковская. — Вчера всем классом с огородов урожай возили.

Ивася Углев с уважением поглядел на аккуратенькую Нину:

— И в это воскресенье тоже будете? Тогда возьмите меня с собой.

— Ясно, — важно сказал Федя Корешков. — Раз ты теперь мой друг, то и работать будем вместе.

После уроков Корешков, Нина и Углев пошли домой вместе: оказалось, жили все почти рядом, в новом

В новом районе все новое: дома, тротуары, мосты. Кое-где проезды асфальтом покрыты, а местами и не мощены вовсе. Вдоль дороги следов видимо-невидимо и от легковых автомобилей, и от самосвалов, и от лошадиных копыт.

— На бестарках и в фургонах овощи на склад возили, — сообщила Нина. — Потому что — недалеко. А так на всех складах грузоздши работают.

Корешков, ловко поддев ногой валяющуюся на обочине картофелину, крича и размахивая портфелем, погил ее вперд.

Ивася и Нина побежали за ним. Федя Корешкоз вдруг остановился и стал рассматривать что-то у себя под ногами.

Картофелина лежала в круглой, как маленькая кастрюля, луже.

— След от копыта, — сказал Ивася. — Вчера дождь шел, земля размокла — вон как глубоко ноги в грязь влезали.

— Известный следопыт Угле-в, — объявил Федя, — сейчас расскажет нам про следы на дороге! Желаящие прослушать лекцию — сюда!

Несколько мальчиков, «грающих у ворот дома, подбежали к четвероклассникам.

— Про следы тут говорить нечего, — спокойно сказал Ивася, — кроме лошадиных копыт, здесь и не видно ничего. А вот. кто скажет, почему эта лужа чернильного цвета?

И только тут все заметили, что лужица, в которой лежала картофелина, фиолетовая.

— Вот еще задача, — усмехнулся Федя. — Пошли по домам! Картошки тут много валяется! Это, чур, моя!

Он бросился вперед, но Нина и мальчики из соседнего двора остались возле таинственной лужи.

— Чернила разлили, — предположила Нина. — Нам сегодня в школу шефы три бутылки чернил привезли — на весь год хватит. Может, у них разбилось что-нибудь по дороге?

— Ой, еще одна чернильница! — закричал Федя Корешкоз. — И еще две!

Ребята двинулись за Ивасей.

Вдоль дороги в глинистой почве было много луж — следов вчерашнего ливня. Среди них попадались и чернильные.

— Может, здесь к почве какой-нибудь краситель подмешан? — сказал один из мальчиков. — Я видел такую краску-у мамы, она как-то мне рубаху красила...

— Знаю, знаю! — зазвенела Нина. — Это химическая губная помада. У мамы много такой. От нее губы точь-в-точь как чернилами вымазаны!-

— Просто залежи чернильной краски в нашей почве, — сказал Федя. — И нечего тут голову ломать. Обыкновенные полезные ископаемые.

— Чернила — это продукт химический, а не полезное

ископаемое, — поправил Федю Ивася. — А раньше их делали из специальных; орешков. Получалась жидкость черного цвета. Поэтому и название пошло такое — «чернила». Хотя теперь они разных цветов бывают.

— Слушай, следокопыт, — задорно произнес Федя, — а сам-то ты знаешь, почему лужа фиолетовая?

— Да вы ее сами вчера выкрасили, — спокойно сказал Ивася.

— Мы? — удивилась Нина. — Не может быть!

— Давай поспорим, — загорелся Федя. — Если ты ошибешься, то будешь меня во всем слушаться. А если докажешь про лужу, то я первый в кружок следокопытов записываюсь!

— Только не следокопытов, а юных следопытов, — усмехнулся Ивася.

— Куда **скажешь** — туда и запишусь! Хоть в куклы играть! Разнимайте! — протянул руку Федя.

Спорщиков разняли.

— У нас в **городе** строителей тоже огородов много было, — сказал Ивася. — И тоже часто лужи такие попадались.

— Ага! А причем тут мы? — не удержался Федя Корешков.

— А притом, что вы, когда овощи возили, следили за ними плохо. Вот и картошки много валяется, и свекла попадает, — белые брови Углева зашевелились от сдерживаемой улыбки.

— Ты про чернильный цвет давай, — настаивал Корешков.

— Цвет от свеклы. Это не лужа, а вроде суп-свекольник, — присел на корточки возле лужи Ивася. — Смотрите, что там делается.

Он щепкой подцепил со дна круглой лужицы раздавленную лошадиным копытом свеклу.

Ребята засмеялись. Громче всех — Корешков. Звонче всех —••• Нина.

— Ой, суп... Ой, борщ, — задыхалась она. — Ой, посадили Феду в лужу! Да еще в свекольную!

— Возили вы вчера? озоши небрежно, — сказал Ивася. — Но в следующее воскресенье, когда на поле выйдут **юные следопыты** четвертого «В»...

Так неожиданно для всех в четвертом «Б» классе возник кружок юных следопытов.

ПОЛЕЗНЫЕ ОТКОПАЕМЫЕ

Дневник первого похода кружка юных следопытов четвертого «Б» класса хранится ребятами, как ценный документ. Еще бы: в первом же походе открыты залежи полезных ископаемых — это не каждым удается!

Ивася Углев, староста следопытов, выслушивал от ребят, множество упреков: кружок организован, занятия идут полным ходом, физзарядку все делают регулярно, а похода все нет и нет. %

— Как ведь осень же! — волновался Ивася. — Дождь кругом. Куда идти? На чем идти? На лыжах — рано, на лодках — поздно, пешком — куда денешься? Грязь да слякоть! Да и не уйдешь далеко — уроки-то каждый день учить надо! Ну да ничего — в зимние каникулы наверстаем. Вот снег выпадет — тренировки будем **лыжные** устраивать...

Но даже староста чувствовал, что поход — хоть самый маленький, самый коротенький — необходим. Иначе ребята могут охладеть к следопытскому делу и целиком

переключиться на собирание спичечных коробок или зимнее цветоводство. Но как быть? Что придумать?

И тут на помощь Ивасе пришел руководитель столярной школьной мастерской дядя Яша. Он заметил, что Ивася в последнее время погрузился, стал вяловат, в разгар работы нет-нет да и обопрется на верстак, задумается.

Коренастый, широкогрудый дядя Яша, легко и спортивно лавируя между верстаками, подошел к Ивасе, взял из рук следопытского старосты рубанок, сам стругнул доску. Задорная, как хвост веселого щенка, стружка взвилась над рубанком.

— Вот видишь, — показал на нее мастер, — как по инструменту настроение человека определить можно? Когда работаешь от всего сердца, с охотой да радостью, — так все в руках и пенится. А у тебя стружка сегодня стелется, как дым на сильном ветру, — клочьями рваными. Ну-ка, рассказывай, парень, что приключилось. Отчего з глазах-то хмурь?

Ивася рассказал о своих затруднениях.

— Поход, значит, требуется? — задумчиво произнес мастер. — Дело серьезное. Есть у меня один маршрут на примете. Средней трудности. Местность холмистая*

— Волчья падь? — попытался отгадать Ивася. — Двадцать километров на северо-восток? Или Гнилые балки — юго-восточнее Кочемарова? .

— Нет, — усмехнулся дядя Яша, — юго-западнее нашей школы. Оклад комбината стандартного домостроения.

— У-у, — махнул рукой Ивася. — Вы, оказывается, все это смехом...

— Да нет же, чудак-человек, на полном серьезе, — дядя Яша **положил** свою **большую** ладонь на плечо старосте. — У нас материала не хватает для плотницкого обучения. А на комбинате несортные доски, обрезки разные, фанерные куски, горбыль на выброс идут или в опки. Нам же такое сырье позарез нужно. Я поговорю сегодня с комбинатским начальством, чтобы кружок ваш пустили на складскую территорию составить карту.

— Какую? — удивился Ивася.

— Карту завала. Весь берег реки комбинат всякой всячиной да отходами **завалил**. Так вот, каждую такую столярную гору требуется разведать, описать, план-карту

составить. Это и комбинату самому нужно. А то они **сами** не ведают, что у них где лежит, что еще в дело годится, а что нет, что нам отдать можно.

Староста тут же сообщил следопытам новость. Ребята так обрадовались, что весь следующий урок сидели, как на иголках, отвечали невпопад на вопросы учительницы, а после звонка сразу же решили идти на комбинат.

— Что время зря **герять?** — агитировал Федька Корешко. — Следопыты должны быть легкими на подъем: раз-два — и в поход! К ночи задание выполнено!

— А уроки на завтра кто за нас будет учить? — спросила Нина Пашковская.

— Зачем учить? — радостно сказал Федька. — Если завтра кого-нибудь из следопытов к доске вызовут, то объясним, что выполняли важное спецзадание!

— Нет, товарищи, так дело не пойдет, — произнес Ивася, и его белые брови решительно сдвинулись. — Уроки на завтра готовить нужно.

— А когда их кончим, то уже темно будет! — не сдавался Корешков. — Ведь берег реки, где склады, почти без фонарей. Как же карту чертить?

— Верно, — согласился староста. — И завтра не успеем, и послезавтра. Поэтому поход назначаем на воскресенье. Выйдем утром. Сбор возле школы. Кто из следопытов за эти три дня двойку заработает, — Ивася взглянул на Федьку, — в поход не пойдет.

Следопыты собрались в воскресное утро возле школы в полном составе: двоек никто из членов кружка до конца недели не получил.

Миновав мебельную и фанерную фабрики, ребята подошли к складским въездам. Ивася гордо вручил сторожу пропуск.

За воротами ребят ожидал сюрприз: дядя Яша собственной персоной.

— У меня тут тоже кое-какие дела имеются, — объяснил он. — Я вам мешать не буду... Ну, пошли, нам по дороге.

Горы штабелей становились все выше и круче, а дорога делалась труднопроходимой.

Берег реки, где располагались склады и куда вывозились отходы, был пологим и ровным. Но холмы досок, сопки обрезков, завалы бревен так изменили рельеф, что

луг этот вполне мог бы считаться сильно пересеченной местностью.

Дядя Яша предупредил ребят, чтобы они на него внимания не обращали, занимались своим делом. Он то исчезал между штабелей и куч, то вновь появлялся, помогал следопытам решить какой-нибудь каверзный вопрос и вновь пропадал.

— Почему нет опилок и стружек? — спросила Нина Пашковская. — Где они? Вот когда я на уроках столярного дела **пилю, так у** меня опилок по колено!

— Опилки и стружки — топливо, — пояснил Ивася. — Их сжигают в комбинатских печах.

— Я уже начала составлять карту! — объявила Нина через несколько минут. — Я была вчера с мамой в магазине и купила специальную бумагу миллиметровку. И коробку цветных карандашей.

Следопыты окружили Нину. Оказалось, что она уже составила план того, что видела вокруг себя. Груды древесины были обозначены красными квадратами, а река добросовестно раскрашена в синий цвет.

— Буду идти дальше и все кругом вот так же зарисовывать, — пояснила Нина.

— Что же у тебя получится? — спросил Ивася. — Вот и так уж эти доски почему-то оказались с левой стороны, а тот штабель, если твоей карте верить, стоит на самом берегу!

— А где стороны света? — засмеялся Федька. — А где масштаб? Эх ты, Нина из магазина!

Ребята сразу замолчали, посмотрели на Корешкова.

Федька пробормотал извинительно:

— Ну, из магазина... Что особенного?

Нину в классе издавна так прозвали за то, что она любила хвастаться своими чуть ли не каждодневными обновками.

«Мы с мамой вчера были в магазине», — обычно начинала ода свой рассказ о покупках.

Но когда организовался кружок юных следопытов, то Ивася поставил вопрос о ликвидации кличек и прозвищ:

— Кличка — это неуважение. А если ты не уважаешь товарища, то в походе ты его подведешь!

Все поддержали старосту. И вдруг в первом же походе Корешков начинает старую песню!

— Товарищи, — сказал Ивася, — Корешков нарушил

дисциплину и свое слово. Честное пионерское! Что с ним будем делать?

— Да я же ничего же... — испугался Федька. — Ребята, я случайно. Больше не буду! Нина, прости, а?

— Ладно, — махнула ручкой Нина. — Яне обижаюсь

— Что же до карты, — Ивася взял миллиметровку из рук Нины, — то ты забыла основное: на небольших участках, прежде чем план чертить, нужно выбрать точку, с которой вся площадь, как на ладони, видна.

— Если забраться во-он туда, — показал Федька на одну из складских вершин, — что хочешь увидишь!

Корешков был прав: здесь высшей точкой бесспорно была внушительная, покрытая землей гора. Она возвышалась над лугом, как мачта телевидения над поселком.

Следопыты разделились на две группы: одни залезли на «гору», и начали составлять план, а другие снизу общали сведения о каждом холме досок и каждом штабеле бревен.

— Размер 9 метров на 7! — кричал Федька, размахивая рулеткой. — Горбыль! А вон та сопочка — обрезки досок! Чурки и щенки!

Когда план участка был вычерчен на припасенной Ви-

ной миллиметровке, то возник спор: гора, с которой производилась съемка плана, должна быть на карте или нет?

— Идемте дальше! Вед» мы исследуем только оклад, — убеждала ребят Нина. — А сторож сказал, что эта гора относится к железнодорожной станции!

По ту сторону горки действительно располагался грузовой двор железнодорожной станции.

— Нужно спросить кого-нибудь из железнодорожников, -- решил Ивася.

Но разысканный следопытами сторож-железнодорожник сразу отрекся от горы:

— Их сырье, древесников. Опилки, наверное. У нас такой машине откуда быть? Нет, мы тут ни при чем.

— Если опилки, то это опасно, — сказал Ивася. — Они ведь, как это называется... саморазжигаются... то есть нет... самовоспламеняются от долгого лежания! Давайте проверим, а вдруг они внутри уже горячие?

Следопыты начали копать землю. Копнули раз, другой, третий.

Лопатка Федьки Корешкова звякнула о что-то твердое. На камень это не походило, скорее смахивало на известку, спрессованную в крепкие комки. Но от нескольких ударов лопатой комки рассыпались, становились зернышками.

— Полезное ископаемое! — восторженно завизжала Нина. — Ребята, мы напали на залежи! Ой; наконец-то я увидела, как отыскиваются полезные ископаемые!

Показался дядя Яша. Он озадаченно рассматривал кусок странного минерала. Потом улыбнулся.

— Это не ископаемое, а откопаемое. Ведь вы его откопали! Эх, сколько тонн минеральных удобрений пропадает!

Железнодорожный сторож, с интересом наблюдавший за землекопными работами, услышав об удобрениях, даже ружье выпустил из рук:

— А мы-то их ищем уже три месяца! Сгинули, словно корова языком слизнула! Ах ты, батюшки, какая оказия! Конфуз на всю область!

...Вот каким крупным открытием завершился первый поход юных следопытов 4-го «Б» класса.

В путевом дневнике так и записали:

«Открыты залежи минеральных удобрений».

А дядя Яша передал ребятам от комбинатского ру-

ководства специальную благодарность: за составление плана расположения складских товаров.

Вместе с благодарностью дядя Яша привез несколько машин несортовой **древесины** — подарок рабочих школьной мастерской.

ЕЛКА С БЕЛКОЙ

Чем ближе к новогоднему базару, тем чаще попадаются навстречу елки. Елки медленно движутся над головами прохожих, словно не их несут, а они сами шествуют «о городе по **своим** лесным делам.

Яркие щиты «ЕЛКА в ЦИРКЕ! Ребята в гостях у Деда-Мороза и Юрия Пряткина» были установлены на каждом углу. Из-за высокой шапки Деда-Мороза выглядела смешная **физиономия** клоуна Пряткина. Клоун подмигивал так весело и задорно, что если бы у Гриши были деньги, он немедленно купил бы билет в цирк. Но сразу всего купить нельзя — это Гриша знал отлично. Вот после того как папа купит елку, тогда уж можно будет заговорить и о цирке.

На новогоднем базаре покупателей было больше, чем елок. Оставалось всего два дня до праздника, и все спешили украсить свои комнаты. С каждой минутой елок становилось все меньше и меньше.

Гриша готов был взять любое деревце — ему все они нравились. Но папа разбирался в елках, словно он всю жизнь прожил в лесу.

— Эта и до Нового года не достоин, осыплется, — уверенно говорил он.

— А эта выглядит, как мокрая кошка... Наверное, она лежала внизу, когда деревья везли на базар.

— Здесь оучьав мало. Придется втыкать в ствол ветки — иначе не украсишь.

Послышались крики. Толпа покупателей колыхнулась.

— Что случилось? — посыпались вопросы. — В₆ чем дело?

— Белка... Белка откуда-то выскочила!

— Стряхивай ее, стряхивай!

f— Вон она, видите — перескочила?

Действительно, по прислоненным к стене елочкам озорно прыгал серый пушистый комочек. Белка не боялась людей. Она смотрела на них, задорно шевеля хвостом, потом, распластавшись в воздухе, перелетала сразу через пяток деревьев.

Появились двое школьников с сачками для ловли бабочек, будто ребята заранее знали, что им придется гоняться за белкой.

— Чья она? — спросил Гришин папа у одного из школьников.

— Ничья, — ответил тот. — Мы ее в зооуголок поселим! — И, воинственно взмахнув сачком, кинулся на помощь товарищу.

Белка словно играла с ребятами. Она даже не попыталась удирать от охотников и с интересом следила, как к ней приближается пасть сачка. И только в последнее мгновение, ударя хвостом по сачку, прыгала куда-нибудь в сторону. Это очень сердило мальчиков, и они то и дело, забыв о белке, принимались ссориться, обвиняя друг друга в очередной неудаче.

Деревьев на базаре становилось все меньше. Одна за другой елочки уплывали в ворота.

Белка исчезла.

Ребята с сачками набегались до того, что уже едва передвигали ноги. В последний раз, покричав друг на друга, о»и пошли домой.

Когда в продаже осталось всего несколько елок, белка вновь появилась. Она уселась на верхушку одного из деревьев и принялась вертеться во все стороны.

— Папа, подождем, пока все уйдут, — сказал Гриша. — Купим последнюю елку. Тогда и белка нам достанется.

— Хорошо, — согласился папа, подошел к большой елке и сказал продавцу: — Мы покупаем это дерево.

— Почему же ты решил, что оно останется /последним? — испуганно спросил Гриша. — А вдруг белка перепрыгнет к кому-нибудь?

— Раз уж мы купили елку, то теперь от нас и зависит, когда мы ее отсюда унесем, — ответил папа. — Захочется, до утра стоять будем! Белочка — видишь?—тоже не торопится с базара уходить.

А на базаре тем временем осталось всего с десяток **деревьев.**

Но лишь покупатель брался за ствол елки, чтобы унести ее, как белочка перескакивала на то деревце, которое еще не было куплено.

Вот осталось уже четыре дерева... Вот три... два •

В конце концов белочке пришлось прыгнуть на елку, возле которой стояли Гриша с папой.

— Граждане, — сказал продавец, — базар закрыт по случаю полной распродажи товара. Прошу освободить территорию...

Папа положил елку на плечо и двинулся к выходу.

Гриша семенил сзади и все время спотыкался: он не отрывал взгляда от сидящей на верхушке белки.

Елка двигалась по улице. Мимо белки проносились штанги троллейбусов, перед самым белочьим носом зажигались огни реклам, но белка сидела смирно.

Веселые щиты с изображением подмигивающего клоуна Пряткинз теперь были ярко освещены, и Гриша не удержался, ответно подмигнул клоуну: мол, я теперь тоже смогу приглашать друзей на елку. На елку с живой белкой!

Особенно страшно становилось Грише, когда навстречу попадалась елка. Гриша замечал встречную елку еще издали. Вот она совсем близко, вот ветви встречных деревьев на какое-то мгновение сцепились... А вдруг белочка возьмет да и перескочит на какую-нибудь встречную елку? Но белочка сидела спокойно и на другие елки не обращала никакого внимания.

Вот, наконец, и Гришин дом! Кажется, все обошлось! Правда, впереди еще лестница... Может, белки не любят, чтобы их носили по лестницам?!

Когда вносили елку в парадное, то белка повела себя совсем подозрительно: она смело прыгнула на папино плечо и не слезала до тех пор, пока папа не вошел в комнату.

Дома появление белки вызвало переполох. Мама кричала, что она побьет всю посуду, бабушка боялась за кружевные занавески. Папа волновался за свои бумаги на письменном столе — как бы белка на них не опрокинула чернила.

Белка поразила всех: она вела себя вполне прилично, ничего не била и не рвала, никаких дебашей не

учиняла. Ловко щелкая золоченые орехи, заготовленные для украшения елки, она сидела на облюбованном ею месте и с интересом наблюдала за жизнью внизу. А внизу шли последние приготовления к установке елки. Гриша тащил коробки с украшениями, папа приспособивал крестовину под ствол, чтобы елка не упала. Мама распутывала электролампочки: шнуры и провода так перепутались, что превратились в клубок.

Затем Гриша позвонил всем друзьям:

— Приходите завтра утром, перед школой! У меня живая белка! Купили вместе с елкой!

Белка, освоившись на новом месте, повела себя совсем странно: она вдруг начала подбрасывать золоченый орех и снова ловить его, словно жонглировала им. Потом очень красиво перепрыгнула с одной башенки шкафа на другую, по дороге ловко перекувыркнувшись в воздухе.

— Чудеса! — ахнула бабушка. — Как в цирке!

— Кстати, — сказал папа из-под елки, — Гриша, посмотри в сегодняшней «Вечерней газете», когда будет елка в цирке? Мне обещали билеты на нее!

— Ура! — радостно закричал Гриша и бросился к почтовому ящику на дверях.

Обычно Гриша возвращался с газетой тотчас же, но на этот раз он задержался в коридоре. Папе даже пришлось позвать его:

— Ау! Ты заблудился?

Гриша смущенно вошел в комнату. В газете зияла дыра.

— Я ее случайно порвал, — сказал Гриша.—Зацепил за лыжи.

— Не велика беда, — сказал папа. — Когда же открывается елка в цирке?

— Послезавтра, — сказал Гриша, посмотрев на белку, и вздохнул.

Весь вечер Гриша был очень молчалив и все время вздыхал.

Бабушка, испугавшись за его здоровье, все время заставляла его есть мандарины и обещала напоить чаем с малиной.

Белочка перебралась поближе к столу, села на спинку папиного стула и вежливо ждала, когда ей дадут какое-нибудь лакомство.

После чая папа читал газету. Мрачный и необычно молчаливый Гриша ходил вокруг елки, смотрел на белочку, горестно вздыхал.

Потом бабушка положила в корзину для бумаг лоскут старого ковра — получилось отличное гнездо. Белочка охотно устроилась в нем на ночлег.

— Ну, хватит вздохов да охов,—откладывая газету, сказал папа Грише, — докладывай, что тебя волнует.

— Я нарочно порвал газету,—пробормотал Гриша.— И лыжи тут ни при чем.

— Нарочно? — удивился папа. — Зачем?

— Объявление... вот... — Гриша разжал кулак и показал скомканный клочок газетной бумаги.

Папа взял бумажный комочек и разглядел его на пучке кресла.

— Чё...Пропала белка. Просьба нашедшего или знающего ее местонахождение сообщить -дирекции цирка по телефону...»

— Что же ты думаешь делать? — спросил папа.

•— Думаю... завтра позвонить, — печально сказал

Гриша. — Утром ребята придут ее посмотреть... мы вместе и позвоним...

...Утром ребята пришли все сразу: видно, договорились войти вместе. Белочка показала все свои фокусы.

— Ее нужно сдать в цирк, — сказал Гриша. — Она беглая. Вчера в газете объявление было. Сбежала, мол, кто найдет — позвоните. Только я его поздно прочел, а то бы вчера позвонил.

Ребята поглядели на Гришу восхищенно:

— И не жалко?

А Ленка из соседней квартиры признался:

— Я бы не позвонил... Такую белочку отдавать...

И, уловив **осуждающие/взгляды** друзей, добавил:

— Выучил бы ее еще каким-нибудь фокусам, а потом обязательно позвонил бы...

Через полчаса после того, как Гриша сообщил администрации цирка свой адрес, в дверь постучали. Двое мужчин вошли в квартиру. Один из них — толстый и круглолицый — вежливо приподнял шляпу, а второй даже пританцовывал на месте от радости.

— Где вы ее нашли, юноши? — спросил толстый. — Чем вы ее кормили?

Не дожидаясь ответа на вопросы, толстяк продолжал:

— Не мучили ее? А как она спала? Давно она у вас?

А второй гость, увидев белочку, прищурился, присел, свистнул — и белочка вмиг перелетела через комнату и уселась ему прямо на макушку.

— Спасибо, ребята, спасибо! — крепко \ пожимая мальчикам руки, говорил гость. — Эту белку зовут Стрелкой. Она — знаменитая актриса. Мы с Ней вместе выступаем. Я — клоун. **Пряткин**, может, слышали?

И хотя живой Пряткин ничуть не походив на того Пряткина, который был изображен на афишах, но он так озорно прищурился, что все сразу его узнали.

— Приходите все к нам в цирк, — сказал толстяк,-- Я — администратор, я вас па все представления буду пускать.

— Еще раз спасибо, — сказал Пряткин. — Стрелка, поклонись отличникам учебы! •

— Мы не совсем отлич... — начал было Гриша, но белка отвесила такой уморительный поклон, так шаркнула хвостом по плечу Пряткина, что все засмеялись.

— Ну, ждем, — уходя последним, сказал толстый администратор. — Привет! Веселого вам Нового года!

...А бабушка ухитрилась сунуть белке два ореха — на дорогу.

НАС ТРОЕ

ПОЧТИ НЕОБЫЧАЙНОЕ

ПРОИСШЕСТВИЕ

Главе первая

БРАТЯ ПРОЗОРОВЫ

...Когда двенадцать лет назад областная газета сообщила читателям, что в семье машиниста Прозорова родилась тройня, го никто не думал, что это принесет машинисту и его жене столько хлопот.

— Вот у других тройняшки как тройняшки, — говорила мать, — две девочки, один мальчик или два мальчика, одна девочка. И друг на друга не особенно похожи! У меня же трое сорванцов, и все на одно лицо! Слово марки одного выпуска. Вот пять минут назад тарелку разбил — кто именно? А сейчас на дворе кто дерется! Попробуй догадайся! У меня они постоянно троят словно девять.

Отец повесил у себя в комнате фотографию одного из братьев и говорил:

— Семейное фото! До сих пор не можем определить — кто на ней изображен! Ну да ладно — один за троих, трое — за одного.

Единственным утешением бабушки, которая, ко всему, была еще и близорука, служила вырезка из газеты, где говорилось, что в городе Ташкенте растут четверо близнецов, и все похожи друг на друга, как четыре капли воды.

Мо самим ребятам очень нравилось такое положение. Неисчислимые преимущества, которые давало «растроение» личности, на первых порах использовались братьями в полной мере. Сходство прежде всего помогало им во всяких проделках. Так, например, в школе братьев пришлось перевести в разные классы: когда Прозоровы были вместе, то учителя постоянно путали их, подрывая подобными промашками свой педагогический авторитет. А ребята этим пользовались и часто кто-нибудь из братьев отвечал у доски за другого. Бывало, Глеб учил за всех арифметику, а Петр выдавал себя за Глеба и Павла, когда нужно было отвечать по географии. Разумеется, когда Глеб остался в группе «В», Петр перешел в «Б», а Павел — в «А», то пришлось братьям заниматься по-настоящему. Круглыми отличниками, правда, они не стали, но и троек не имели.

Чем только братья не увлекались! То решили во что бы то ни стало вырастить кукурузу в комнате и выбросили все цветы из горшков, стоящих на окне. То они занялись орошением и через пустырь, который лежал за домом, начали рыть канал. Потом Глеб принялся выводить новую породу птицы: чтобы она пела, как соловей, и была сильной, как орел. Петр стал собирать коллекцию жуков, а Павел — фасоли и бобов. Павел собрал уже почти двести бобов и фасолинок различных сортов, когда случилась катастрофа: бабушка сварила из кол-лекции фасолевым суп.

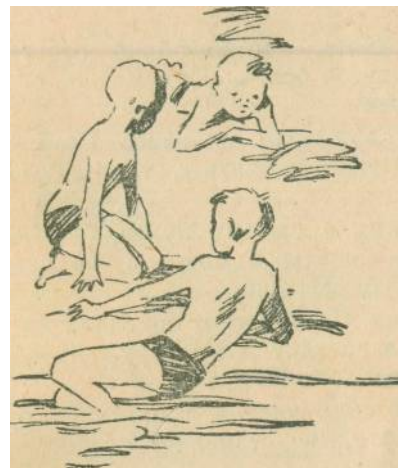
— Откуда же я знала? — оправдывалась бабушка. — Вот у Петяши настоящая коллекция: каждый жу-чок знает свой шесток, булавку то есть, под ней номер и название. А у тебя, Паша? Стоит банка с фасолью. На ней же не написано — мол, не трогать, экспонат! Так кол-лекции не собирают, внучек, — долго выговаривала ба-бушка ни в чем не повинному Глебу, принимая его за Павла.

— ...У меня есть предложение, — подражая взросло-му председателю собрания, сказал однажды Глеб. — Что, если нам вступить в зеленый патруль? И организо-вать в нем звено братьев Прозоровых. А? Звучит!

На следующий же день братья пошли в Общество охраны природы, расспросили досконально насчет зеле-ных патрулей и решили организовать патруль в своей школе. **Дальше** — больше. Школьный зеленый патруль

стал одним из лучших в районе, а звено братьев Прозо-ровых — лучшим в патруле.

О том, как тройняшки добились такого успеха, мож-но было бы написать целую книгу. И она была бы очень интересной и полезной. Но сейчас рассказ—о другом...

Глава вторая ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

*20 июля, 10—11
часов по москов-
скому времени.*

Пионеры лежали на пляже возле ре-ки. Песок там был желтый и крупный, как пшено.

Братья Прозоро-вы улеглись хитро — голова на песке, а все тело в реке, и по нему медленно про-бегают слабые речные волны. Веснушки, на темно-коричневых лицах мальчиков казались желтыми бле-стящими песчинками.

— Надо было бы узнать все-таки? — сказал Глеб, — что это за песок у нас такой... странный, не похож на обычный, речной...

— А как? — спросил Петр. — Хотя бы какой-нибудь с'равочник достать... Вдруг в песке этом — минералы какие-нибудь!

— Эх, — фантазер Павел даже зажмурился. — От-крыть бы полезное ископаемое тут! Все равно какое — лишь бы полезное... И чтобы написали в газете: братья Прозоровы первыми открыли залежи... Неважно чего...

— Не в газете дело, — усмехнулся Глеб и загреб пригоршней желтый крупный песок. — Это же очень интересно — что в нем находится? Я читал, есть цветы —

они указателем служат для геологов. Это — точно. Вои растет ромашка. А ученые знают — под ней залежи серы. Очень любит ромашка серу...

— Наша обыкновенная ромашка? — удивился Павел.

— Да нет, это я так, к слову... — усмехнулся Глеб.

— Здесь растут подорожник, одуванчики, — перечне лял Петр. — На что указывает одуванчик? Какой минерал под ним прячется? Не знаете? Эх, вы!

— Сам-то ты знаешь? — заершился Павел. — Ну-ка, скажи!

— А я и не обязан знать, — миролюбиво ответил Петр, поворачиваясь на другой бок. — Подумаешь, оби делся... Уж спросить нельзя!

— Как же быть? — задумчиво произнес Глеб. — Очень странный песок... Нужно сходить к старшему вожатому, посоветоваться!

...Но старшему вожатому и самому нужен был хороший совет. Двое просто вожатых смотрели на него, ожидая, какое будет принято решение.

Дело в том, что братьям Прозоровым прислали две бесплатные путевки — на поездку в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства.

«..На республиканский сбор членов зеленых патрулей,—гласила путевка,—который устраивает Всероссийское общество охраны природы».

— Как же быть? —• в десятый раз повторял старший вожатый, вертя в пальцах путевки. — Братьев трое, а путевки две? А?

— В списке-то мы написали «братья Прозоровы», — вспомнил вожатый. — А в Москве никому и в голову не пришло, что у нас не двойняшки, а тройняшки.

— Снова писать в Москву? Много времени уйдет,— вслух рассуждал старшин вожатый. — А послать всех троих — дескать, там разберутся на месте — рискованно.

— Нужно посылать двоих, — сказал вожатый.

• — Точно, — поддержал его второй вожатый. — Дисциплинка должна быть. Раз путевки две —• то и братьев отправлять двоих. Вот так. Мое личное мнение, конечно.

— Кого же из них обижать? — схватился за голову старший вожатый. — Вот задача! Все трое — хорошие ребята!

— Знаете что?—предложил вожатый.—Давайте ничего решать не будем.

— Как так?

— А очень просто! Передадим эти путевочки Прозоровым-старшим — и все. Пусть отец с матерью утрясают свои внутренние дела. Любых двоих отправляют, а третьего назад, к нам. И вся недолга.

— Ух — вздохнул облегченно старший вожатый, — как гора с плеч... И то верно: в этом деле родители — самая ВЫСОКАЯ инстанция!

Глава третья

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

*20 июля, 15—19 часов
по московском!/ времени.*

Бабушка раскрыла дверь и ахнула: на пороге стояла тройка внуков.

— Из лагеря выгнали? — испуганно спросила она, пропуская их в комнату. — Опять набе-докурили?

После поцелуев и заверений, что «все в полном порядке», Глеб протянул бабушке путевки и письмо:

— В Москву едем!
Это — точно!

— Только вот, кто едет — неизвестно, — уточнил Петр.

Бабушка кончила читать письмо и поверх очков поглядела на внуков:

— Придут с работы мать с отцом, вот тогда и порешим, как быть. Безобразие какое! Взбаламутили реблт, а теперь разбирайся... Кушать хотите? Нет-¹ Ну, гая идите на свою станцию, откуда за вами уже три раза прибежали...

...На городской станции юннатов уже слышали об ошибке с путевками. Хотя не все юные натуралисты участвовали в работе в зеленых патрулях, но братьев Прозоровых знал каждый. Вопрос «кто останется, а кто поедет» горячо обсуждался и в оранжерее, и в саду, и в зооуголке.

— Глеб должен обязательно поехать! — утверждали одни.

— Нет, Петя поедет! — настаивали другие.

— Только Пашка! — кричали третьи.

Неизвестно, чем бы кончился спор, но пришли братья Прозоровы, и все сразу же замолчали.

Даже руководитель станции, старый садовод Иван Иванович, избегал в разговоре с братьями касаться спорного вопроса.

— Вот, ребята, — сказал он Прозоровым, — захватите с собой в столицу на выставку три подарка. От нашей станции.

Иван Иванович показал на стоящие возле грядок два небольших горшочка.

— В одном из них — крыжовник Новый Негус. Он растет почти вдвое быстрее, чем прежний сорт. Здесь — выведенная нами белая роза, Антарктида. А третий подарок влез в этот пакетик... Ну, кто отгадает, что в нем?

— Пшеница «Юннат 37», — закричали все ребята хором.

Новый сорт морозоустойчивой пшеницы, который вывели юннаты на своем опытном поле, был гордостью станции. Конечно же, ее посылают в Москву!

— Да, пусть наши московские друзья проверят ее еще раз, — сказал Иван Иванович. — И уж тогда мы сможем поздравить наших юных селекционеров с победой!

Братьям Прозоровым вручили подарки для Москвы.

Потом друзья окружили их и начали давать советы — что нужно посмотреть в столице, что узнать, с кем встретиться.

Но время от времени словно облачко набегало на лица ребят, всех охватывало какое-то грустное раздумье: ведь кто-то из троих так и не увидит Москвы!..

...Как же быть? — Прозоров-старший оглядел бабушку и жену. — Может, отправить всех троих? Пусть там, в Москве, руководство разбирается. Ведь не бросят же они пария на произвол судьбы? Да и Глаша присмотрит — она женщина толковая, справится с ними.

Тетя Глаша, сестра матери, часто наезжала гостить к Прозоровым и каждый раз звала их к себе.

— Москву посмотрите, себя покажете, — тараторила она. — Я справки наводила — у нас в Москве только одни есть тройняшки, вроде наших. Редкость! Приезжайте, жить у меня будете.

Но матери отправлять ребят втроем было как-то боязно, а самой ехать с ними несподручно. То уходила она в отпуск осенью, когда ребята в школе, то хотелось отдохнуть, а не бродить по шумной Москве, по ее гигантским магазинам. Да и денег на проезд троих парней нужно было немало.

— Вырастут — сами съездят, — отвечала обычно мать сестре. — А пока ты мне их в столицу не сманивай. Им и тут дела — непочатый край.

Вот о гостеприимной тете Глаше и вспомнил отец, когда пришлось ему решать, кого отправлять в путь.

— Может, всех троих и пошлем? — задумчиво произнес Прозоров-старший.

— А если что там случится? — опасливо покачала головой мать. — Глаша ведь работает целый день, за парнем смотреть не может. Двое будут при своем деле, я один по городу шататься пойдет?

— Зачем же ему одному, — вступила в разговор бабушка, — когда нужно всем вместе быть? Где двое, там и третьему место отыщется.

— Видела я такое, — вздохнула мать, — когда мы в Москву на конференцию ездили. Двое у нас сверх нормы были. Захватили их вот так же — на авось. Ну и мучались они — стыдно вспомнить. Мы все — обедать, а они бегут закусочную искать. Нас в автобус сажают, везут куда-нибудь, а они такси нанимают, за нами едут. Мы в одной гостинице живем, а они — на другом конце города. Ох, и мороки с ними было!

— Что же делать? — отец взял в каждую руку пи-
путевке. — Вообще никого не посылать, чтобы третьем)
ле обидно было? Или самому прокатиться в столицу?

— Ты это в шутку или вполне серьезно? — бабуш-
ка посмотрела на отца поверх очков.

— Да ведь две путевки-то! — рассмеялся Прозо-
ров. — И фамилия в них наша. Вот мы с матерью и
поедем вдвоем. Скажем, **зеленый** патруль, мол.

— Пусть лучше сами ребята разберутся, — сказала
мать. — Большие уже. С хулиганами вон на бульварах
воюют, дубы выращивают. Пора им самостоятельные
решения принимать.

— Это им будет задачка! — усмехнулся отец. — У
соседа не спишешь, в ответ не заглянешь..

* * *

...Братья пришли домой возбужденные и злые. После
станции они заходили в Общество содействия охране
природы. Их поздравляли, опять вручили подарки для
передачи москвичам, но все старательно избегали раз-
говоров о злополучном третьем лишнем.

— Вот вам путевки, — сказал отец, — идите к себе
в комнату и сами решайте, кто останется. Путевки
ваши, и дело это ваше, братское. Как надумаете, так и
будет. Взрослые уже стали, в пионерах два года хо-
айте!

Рассудительный Глеб, как всегда, взял инициативу в
свои руки:

— В данном случае нужно бросать жребий. Кто за
го, чтобы тянуть жребий? Единогласно. Вот три спич-
ки. Одна — короткая. Кто ее вытащит... В общем,
понятно? Так... Пашка, тащи.

— Пожалуйста! — Пашка вытащил длинную **спичку**
и заскакал на **одной** ножке. — Ту-ту-ту!..

— Теперь ты! — Глеб протянул спички Петру.

— Длинная! — восторженно закричал Петр! — Ура!

— Ну, как? — заглянул в приоткрытую дверь отец.

— Остаюсь, — мрачно проговорил Глеб.

Глава четвертая

ПОЕЗД ИДЕТ В МОСКВУ

21 июля, 20 часов—
22 июля, 6 часов 12 минут

Вечером все семейство
Прозоровых направилось
на вокзал. Глебу разре-
шили не провожать
братьев и вернуться в ла-
герь.

На двое суток езды ма-
ма с бабушкой наготови-
ли так много съестного,
что сумку с едой Петр с
Павлом тащили вдвоем.

Бабушка несла горшки — дары станции Юных натура-
листов, мама — сверток с альбомами Общества содейст-
вия охране природы, а папа — чемодан с вещами.

Народу у поезда было очень много. И счастливым
братьям казалось, что все провожают только их. Папа
степенно разговаривал с садоводом Иваном Ивановичем,
бабушка присматривала за тем, как грузят вещи, а
мама то шептала что-то на ухо проводнику, то отводила
в сторону соседа ребят по купе — усатого толстяка
Федота Федотовича.

— Вы уж, голубчик, присматривайте за ними, — за-
глядывая ему в глаза, просила мама. — Я за них боюсь,
они у меня выдумщики. Никогда нельзя знать, что им в
голову взбредет...

— Присмотрим в лучшем виде! — солидно басил Фе-
дот Фе;отович. — Хотя не так, конечно, это легко, по-
тому — они на одно лицо. Даже если один отстанет, не
сразу заметишь... Хе-хе...

Мама пугалась, молитвенно складывала **руки**, а тол-
стяк хохотал:

— Да я пошутил, матушка, ей-ей, пошутил!

Мама мчалась к проводнику и брала с него страшную клятву, что он глаз не будет сводить с близнецов. Потом снова возвращалась, к Федоту Федотовичу, и тот опять клялся быть для ребят отцом родным и даже больше.

— Как это — больше? — не поняла мама. — Чем же это еще можно быть?

— Коллективом! -- смеялся Федот Федотович. — Коллектив — это побольше отца с матерью, ясно?

Но сами виновники торжества были немного мрачно-ваты. Им было жалко Глеба, рассудительного, спокойного Глеба, «ходячую энциклопедию», который сейчас сидит один, грустный, в их лагерной палатке.

Поезд тронулся. Мама, папа и бабушка еще пытались шагать вровень с вагоном, но толпа провожающих была такой густой, что они не смогли пробраться сквозь нее и остановились.

— Не выходите на остановках! — выкрикнула классический лозунг провожающих мама.

— Не пейте сырой воды! — поддержала бабушка.

— Глаша вас встретит, сейчас даю телеграмму! — деловито сообщил папа.

— Осторожно ходите по Москве! Не... — но больше ничего уже слышно не было: мама отстала.

Пашка насупился. Ему вдруг стало жалко уезжать от родных и друзей. Он подумал, как хорошо было бы, если б захватить с собой всех — Глеба, бабушку, отца с матерью, ребят со станции, патрульных... Кто знает, может, он и расплакался бы, так, чуть-чуть, незаметно, если бы Петр не толкнул его в бок:

— Вот здорово, а? Едем!

Лица провожающих мелькали все быстрее и быстрее. Ярко освещенный перрон кончился. За окном поплыли тусклые пятна фонарей. Пассажиры разошлись по своим местам, только мальчишки продолжали стоять у окна. Вот и станционные огни исчезли. За темными полями светились еще какие-то белесые искорки, никак-ие хотели отставать от поезда.

— Интересно, что это за фонари? — спросил Петр.

— Был бы тут Глеб, мы сейчас бы получили точную справку, — вздохнул Пашка.

— Это звезды, — раздался спокойный голос Глеба.—

Здесь, пал нами, тучи, поэтому звезд не видно, а там — просвет...

При первом же звуке голоса братья обернулись. Перед ними стоял Глеб. Удивление Петьки и Пашки было так велико, что они раскрыли рты, но не могли произнести ни звука. Только поэтому Глеб и смог до конца объяснить про звезды.

— Тише! Я сюда пробрался во время посадки. Проводник меня принял за кого-то из вас. Мама поцеловала меня, а бабушка сказала: «Петенька, веди себя хорошо, Павлушу не обижай».

— Это кто, он меня обижает? — обиделся Пашка.— Да я...

— А ну, попробуй, а ну-ка... — сразу же сжал кулаки Петька.

— Вы что, с ума сошли? — грозным шепотом сказал Глеб. — Надо решать, как мне быть.

— Постой, а как же папа с мамой? — спохватился Пашка. — Они будут думать, что ты в лагере?

— Нет, я им письмо отправил. На вокзале опустил. Там все сказано. Они его завтра получают, когда уже поздно будет.

— Молодец, энциклопедия! — восторженно поглядел на брата Петька. — Удрать-то я бы удрал, а вот письмо не догадался бы отправить!

В конце коридора показался усатый толстяк. Он уже переоделся в желтую с тонкими белыми полосками пижаму, словно нарочно подобранную под цвет его усов — пшеничных, с проседью.

— Федот Федотович идет! — сказал Пашка и юркнул в соседнее купе.

— А-а, зеленый патруль! — послышалось оттуда.— Давай, сосед, заходи, гостем будешь! Значит, на выставку?

Видимо, мама успела даже в этом купе провести агитаторскую работу: о братьях уже и тут знали.

Двери всех купе были раскрыты, и на ковровую дорожку падали уютные синие, зеленые, оранжевые лучи от абажуров, нахлобученных на настольные лампы.

Федот Федотович подошел к братьям, погладил их по головам, дернул за непокорные, торчащие, как ковыль, хохолки на макушках.

— Л ну-ка, патрулята, — скомандовал он, — **хватит** в коридоре торчать, пошли чай гонять!

Четвертое место в их купе, одно из верхних, было занято пожилым колхозником, который уже сладко похрапывал.

— А почему «чай гонять»? — удивился Петр.

— В старину так говорили, — пояснил Федот Федотович. — Тогда, бывало, по самовару сразу выпивали. Это теперь чаек пьют по-скорому, стаканчик-другой — и хватит. В Москве, значит, никогда не бывали? Завидую вам. Сразу столько интересного узнаете, разговоров на несколько лет хватит. А какой там зоопарк! Бегемота живьем вы видели когда-нибудь, а?

— Самая ценная «слоновая кость» добывается из клыков бегемота, — вдруг сказал Глеб. — Это точно.

— Ну? — простодушно удивился толстяк. — Откуда знаешь?

— Федот Федотович, — приложил ладонь к сердцу Петька, — если он что говорит — значит точно. Проверено. Всем отрядом проверяли. Память у него имеется.

— Насчет кости интересно, — вынул записную **книжечку** Федот Федотович. — Проверю и возьму на вооружение. Фактики — вещь полезная.

Вошел проводник с подносом, полным стаканов чая

— Нам — три! — сказал Федот Федотович.

— Опять будешь пить? — удивленно посмотрел на Петьку проводник.

— То есть, как опять? — распушил усы Федот Федотович. — Он еще не пил.

— Да только сейчас в третьем купе я ему стакан дал, — растерянно проговорил проводник.

— Ну и что же? Нельзя еще стакан взять? — деловито осведомился Глеб.

— Пожалуйста, пожалуйста, чем больше, тем нам лучше — план выполним! — улыбнулся проводник, расставляя мельхиоровые подстаканники на столике.

— Значит, уже успел там стаканчик выпить! — недовольно пошевелил усом Федот Федотович. — А разрешения у меня не спросил? Нехорошо получается... Я за вас отвечаю, а вы...

— Больше этого не будет, — сказал Глеб и выскользнул следом за проводником в коридор.

Едва он успел шагнуть в соседнее купе слева, как

проводник, возвращаясь к себе с пустым подносом, заглянул в третье купе, где сидел Пашка.

— Ты уже здесь? — изумился проводник. — Вот чудеса — шмыгнул так, что я и не приметил!

—...Ну, как дела? — ласково обратилась к Глебу одна из трех старушек, занимающих купе. — Mamочка твоя нас просила за вами с братцем присматривать...

— Спасибо, — сказал Глеб.

— Чай будешь с нами пить? — спросила одна из старушек, а вторая полезла в чемодан и вытащила оттуда банку с вареньем.

— Что-то не хочется, благодарю вас, — стараясь быть как можно более вежливым, ответил Глеб и хотел уже выйти в коридор, как услышал дребезжание стаканов на подносе. К купе с полным подносом чая подходил проводник.

— Ты уже здесь? — спросил он Глеба.

— Вот только-только вошел, — объяснил Глеб.

— Будем сейчас чай с вареньем пить, — сообщила старушка.

— Он уже два стакана выпил, — сказал **проводник**.

— Ах, вот почему он отказывается! — огорченно произнесла старушка, которая доставала варенье. — Ну, ладно. Только в следующий раз приходи пить чай к нам. И брата с собой возьми.

— Спасибо, обязательно, — и Глеб исчез.

Когда пришло время ложиться спать, брагья--еебра^ лись в тамбуре перед умывальником.

— В случае тревоги кто-нибудь из нас сразу прячется в туалет, — сказал Павел. — Ну, давайте решать: как мы будем располагаться на ночевку?

— У старушек свободная верхняя полка, — доложил Глеб. — Я могу лечь туда. Скажу, что с детства привык спать только на верхних полках. Им и в голову не придет нас пересчитывать.

— А постель где возьмешь? — спросил Петр. — Как только будем третью постель брать — тут все и раскроется.

— Да, без постели старушки мне спать не дадут, жалеть будут, — вздохнул Глеб. — Это точно.

— Будем спать по очереди, — предложил Пашка -- Двое спят, а один в умывальнике сидит. Потом сменим-

— Может, рискнуть? — прищурился Глеб. — Когда все уснут, вы мне откроете дверь купе, и я лягу на верхнюю полку... Там кто будет спагь? Петька?

— Мы вдвоем вполне уляжемся!—обрадовался Петр.

— А утром нужно встать раньше всех — только и всего, — закончил Глеб.

Пока Федот Федотович мылся, ребята легли спаи-..

И дальше пошло все как по расписанию: когда все заснули, братья пустили Глеба в купе. Он залез па полку к Петру и тотчас же уснул...

...Первым открыл глаза Петр. Рядом лежал, тихо посапывая, Глеб. Яркий свет падал сквозь щель завершенного шторкой окна.

Напротив, на верхней полке, спал без просыпу со вчерашнего вечера пожилой колхозник. Внизу негромко похрапывал Федот Федотович. Свернувшись комочком, спал Пашка.

Петр натянул рубаху, парусиновые штаны, носки, надел ботинки и уже одетый спрыгнул вниз. Каблуки громко стукнули по ковровой дорожке. Петька голову вжал в плечи: вдруг кто-нибудь проснется?! Но спящие не шевельнулись. Открыв дверь, Петр вышел в коридор. После полумрака купе здесь было **ослепительно** светло. За окном, как заборный частокол, мелькали близко подступившие к пути деревья. Вот молоденькая липка, вот клен, вот светлые осинки, дубок...

«Частая посадка, — протирая заспанные глаза, подумал Петр, — разве можно так, деревьям же тесно...»

И тут же рассмеялся: ведь это же лес! Никто его не сажал!

— Ну и очень плохо, — вслух подумал Петька, — значит, нужно лесу помогать, раз он сам не справляется! Лес кончился. Пошли поля.

Проводник, не тот, который вчера разносил чай, а другой, его сменщик, растапливал котел с водой.

— Как спалось, пташка ранняя? — спросил он. — Чего вскочил ни свет ни заря?

— Привычка, — солидно ответил Петька. — А во **вторых**, заря уже давно кончилась.

— Ого!—усмехнулся проводник. Затем он взглянул па свои часы, подошел к окну: — К Новошахтинску подъезжаем. Десять минут стоянка!

Все чаще и чаще стали появляться строения. Вот уж

поле и лес пропали, аккуратные домики, окруженные фруктовыми садами, замелькали по обе стороны дороги.

«Вот это сады!»—восхищенно подумал Петька. Ему даже стало обидно, что никто из пассажиров не видит богатых новошахтинских садов.

Поезд медленно остановился на небольшом, ярко залитом утренним солн-

цем вокзале. Часы показывали ровно шесть.

Из вагонов на перрон вышли только проводники да несколько пассажиров с вещами.

Петр заметил двоих босоногих парней, брызгающих друг на друга водой из лужи.

«Пятиклассники, не меньше, — подумал Петька, — а балуются, как октябрята».

Потом один бросился догонять другого, а тот начал петлять меж молоденьких липок, высаженных вдоль всего здания вокзала.

Петр с^спугом смотрел на игру. Ведь так можно дерево поломать... Вот! Так и есть! Один из ребят для того, чтобы на бегу изменить направление, **схватился** за тоненький ствол липки и, конечно, надломил его.

Петр промчался по коридору, соскочил со ступенек на перрон и- одним махом проскочил все расстояние от вагона до сломанной липки.

— Эй, вы, вредители!—крикнул он замершим от удивления ребятам. — Да вы знаете, что бывает за сломанное' дерево?

— Ух, ты, какой грозный! — рассмеялся **тот**, который надломил липку.

— Откуда он взялся? Не наш, вооде, — спокойно произнес второй.

— А раз не наш, — сказал первый, — то ему тут и болтать нечего. Мы с нашими деревьями что хотим, то и делаем...

И он протянул руку к другой липке.

— Не трогай!—крикнул Петр, смотря снизу вверх на длинного мальчишку. — Не ты их сажал, не ты их растил!

— Я тебе сейчас такой цветочек на физиономии выращу! — поднял кулак второй парень.

— Кто кому! — храбро сказал Петр. — Видел я таких — двое на одного.

⁴ Тем временем длинный парень ухватился за нежный сучок липки и начал его надламывать. Гибкая ветка не поддавалась, гнулась, пружинила.

•— Отпусти! — Петр стукнул длинного кулаком по руке.

Тот так удивился, что выпустил веточку.

Второй парень обхватил Петку сзади крепко-крепко — не пошевелинешься.

Раздался гудок паровоза.

— Сейчас мой поезд уйдет! — рванулся Петр.

Длинный захохотал:

— Оставайся здесь! Будешь деревья сажать!^

Петр рванулся снова, так сильно, что вместе с парнем упал на землю.

— Ула-ла! Куча мала! — закричал длинный и, восторженно визжа, плюхнулся на барахтающихся.

Лежа на земле, Петр видел, как завертели колеса, как замелькали окна... вот и последний вагон...

— Ага, притих! — торжествующе сказал длинный Петке. — Будешь задираться?

Второй заглянул Петру в лицо и удивленно протянул:

— Тю-ю! Ты это чего?

Мальчики встали с земли, а Петке даже вставать не хотелось. На глаза наворачивались слезинки. Железнодорожный путь был пуст... Что говорила мама? Не выходи, не выходи, не выходи... Глеб с Пашкой «пят, как ни в чем не бывало... Что теперь делать?

— Мишка, может, он и правда с этого поезда? — спросил длинный своего друга.

— Вот это да, — пробормотал Мишка растерянно.

— Это что такое? — послышался грозный голос.

Петр увидел, как метнулись прочь ноги ребят. На

их месте появились большущие сапоги, подошли ближе, остановились.

— Что с тобой?

Петька встал. Милиционер был такого роста, что мальчик достигал ему как раз до ременной бляхи.

— Дрались?

— Немножко, — ответил Петр. — Я от поезда отстал. Вон от этого, — кивнул он головой вслед ушедшему составу.

Милиционер тоже поглядел в сторону исчезнувшего поезда и покачал головой:

— Как же так, а? Эх, сплошной недосмотр и безобразии... Что ж, пойдем к дежурному...

Глава пятая

увядший патруль

22 июля, 6—7 часов утра

Милиционер повел Петра на второй этаж здания к дежурному.

...Дежурному по вокзалу было жарко. Он расстегнул на груди легкий белоснежный кигель, и из-под него весело выглядывала сиреневая майка. Большая карта железнодорожных путей висела над письменным столом.

Двое мужчин в одинаковых серых пиджаках и соломенных шляпах размахивали ворохами бумаг и доказывали, что именно их вагоны должны быть отправлены в первую очередь.

— Опять толкачи свои грузы протаскивают вне графика, — проворчал милиционер и, подведя Петра к стоящему возле окна стулу, сказал: — Посиди тут...

— Да, да, — устало посмотрел на вошедших дежурный, — сейчас, вот только с товарищами разберусь...

— Он тебя выручит, — наклонился к уху Петра Милиционер. — Не горюй. Подумаешь, опоздал. Эка невидаль. Тут за день такого насмотришься... Ну, сиди, а я пошел **на** пост.

Два окна друг против друга были широко распахнуты. Одно выходило на площадь, другое — на пути.

В углу стояла чахлая пальма.

«Хамеропс, — определил Петр. — И сильно запушен».

Он хотел подойти к пальме, внимательно осмотреть ее, но постеснялся.

Когда мальчику приходится выбирать, на что садиться — на стул или подоконник, то стул остается пустым.

Окно, **на** которое сел Петр, выходило на площадь.

В большой комнате дежурного стало неожиданно **пасмурно**, солкии спряталось за какой-то взлохмаченной мелкой тучкой, которую ветер забыл вымести с чистого утреннего неба.

Верхушки сиреневых кустов упрямо лезли в распахнутые окна. Среди листьев, покачиваясь, как гамак, висела тяжелая, усыпанная бисером росы паутина.

Вдруг комнату словно оклеили яркими обоями — это солнечные зайцы стаями разбежались по стенам. Роса на паутине вспыхнула, заискрилась.

Под окном слышались возбужденные ребячьи голоса.

— Ты, Федька, видел, как Мишка с Вовкой его били, видел и не подошел, да?

— Их же было двое, а я один, — плаксиво оправдывался Федька.

— Ты ужасный, подлый трус, — решительно продолжал девчачий голос. — Если бы ты помог этому мальчику, то вас было бы двое на двое. И он не опоздал бы на поезд

— На поезд он все равно бы опоздал, — ответил Федька. — Когда я кучу-малу увидел, паровоз уже тронулся.

Для того чтобы взглянуть на разговаривающих ребят, Петьке пришлось лечь на подоконник и заглянуть вниз, как в пропасть.

Там, среди кустов сирени, на лавочке сидели трое: девочка в тюбетейке, из-под которой торчала черная косичка, мальчик в белой панамке и белокрысыый загорелый **паренек** в трусах.

— Есть предложение, — взмахнула косичкой девочка, — сообщить о поведении Федора Кукушкина в штаб дружинников!

— Да я что... я же понимаю... я же сам вам рассказывал... — забеспокоился парнишка в трусах.

— Тихо, Кукушкин, — поднял руку мальчик в панамке. — **Таня** права: не будешь трусить в следующий раз.

•— Да, но тогда и следующего раза не будет!— вскопчил с лавки Федя. — Ведь я уже не буду патрульным! Как же я докажу, что исправился?

— Ставлю на голосование, — бойко произнесла Таня.

— Ребята-а! — крикнул Петр сверху. — Подождите голосовать! **Я сейчас** спущусь!

Три пары глаз взглянули вверх, на Петра.

— Это он! — сказал Федя. — Который опоздал...

Петр соскочил с подоконника и чуть не столкнулся с выходящими из комнаты мужчинами в соломенных шляпах.

— Куда ж ты?—раздался голос дежурного.—Теперь давай с тобой разберемся... Рассказывай все по порядку... Да что ты в угол смотришь?

— Пальма там у вас, — сказал Петр. — Хамеропс. Погибает.

— Ха-ме-ропс? — удивился дежурный. — А я думал, она искусственная.

— На окно ее поставить нужно, на солнце. — Петр

подошел к горшку с пальмой, ковырнул землю. — И поливать, Вымыть листья обязательно — ведь она ими дышит... Ну, а там сами увидите. Может, землю сменить нужно будет...

— Натуралист? — с уважением поглядел на Петьку дежурный.

— Юный, — уточнил Петр.

— Придется этим хамкак его? — ролсом заняться. Да... Ну, давай, юный на-

туралист, выкладывай свои произведения!

...Когда Петр закончил свой рассказ, дежурный подошел к карте, висящей на стене. Разноцветными ручейками текли по карте железнодорожные пути, переплетались, расходились, сливались.

— Значит, хочешь свой скорый поезд догонять? — задумчиво проговорил дежурный. — Кстати, ты в каком вагоне ехал? Восьмом? — и он сделал пометку в блокноте. — Должны нам сообщить о твоём отставании. Ладно. Может, все-таки следующим поедешь? —

— Не, — замотал головой Петр. — Мне бы догнать.

— Вот видишь, город ГорбатоЕск? — прижал какую-то точку на карте дежурный. — По шоссе от нас — двести пятьдесят километров. А железная дорога во-о-он какую петлю дает. Четыреста пятьдесят километров! Ничего, скоро срежем этот уголок... А пока

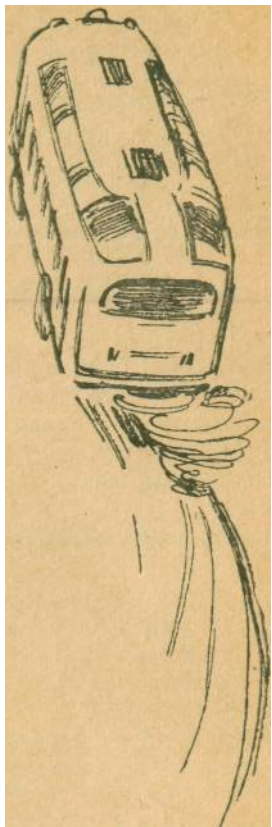
вот круголя даем. Тебе автобусом до Горбатовска четыре часа езды. А поезд туда почти семь часов катит. Еще полчаса у него стоянка в Красногорске. В общем, вполне успеешь, иди на автобус. Деньги есть на билет?

— В поезде остались.

— Ну, я тебе записку напишу в автобусную кассу, — вырвал из блокнота листок дежурный. — Мы иногда так делаем, в порядке обмена. Автобусы-то междугородные, иногда у них тоже отстающие бывают пассажиры... Держи, отдашь кассиру-

Петр поблагодарил дежурного и вышел из комнаты.

— Почему московский скорый не сообщает об отставших? — спросил в микрофон селектора дежурный. — У них из восьмого вагона мальчонка отстал... юный натуралист... Пусть передадут сводку...

...Ребята сидели на скамейке, ждали Петьку.

Встретили они его с любопытством, но смущенно: чувствовали себя виноватыми. Эх, если бы Федька кинулся тогда на Мишку с Вовкой!

Петр рассказал, зачем он с братьями ехал в Москву, как выскочил из вагона, как ему дежурный дал записку на автобусную станцию, и объяснил, почему •Федора Кукушкина нужно оставить в патруле.

— Нельзя же исключать за то, что он не ввязался в драку. А он возьмет да и пойдет к этим... которые деревья ломают.

— Я лично, как председатель совета отряда и как староста класса, — решительно сдвинув свои темно-коричневые брови, начала было Таня, но Яша, упитанный мальчик в панамке, взмахом руки остановил ее:

— Если товарищ Петя, член одного из лучших патрулей, «ам советует, то мы должны прислушаться, это ясно.

Петя с некоторым уважением поглядел на толстенького Яшу: шпарит, как взрослый оратор! И не споткнется!

— Ну, а как патрульные дела? — спросил Петр. — Вот сегодня вы сюда зачем собрались?

— У нас патрулей мало, — вздохнула Таня. — А в нашем — мы самое лучшее звено. Вот каждый день два часа по городу ходим, смотрим, чтобы деревья и цветы не ломали... Когда — утром, когда — вечером ходим...

— Петь, а Петь! — вдруг вскочил со скамейки Федька. — Я пока сбегая на автобусную станцию, она рядом тут, узнаю расписание, а?

— Беги! — разрешила Таня. Федька умчался.

— Смотрим — не появились ли вредители, — продолжал Яша. — А все поломки у меня вот тут записаны, — и он постучал пальцем по маленькому блокнотику, привязанному веревочкой к лямке штанов.

— И это зсе? — удивился Петр. — Да вы не зеленый, а увядший патруль! Ведь здесь, куда ни посмотри, дела непочатый край. Вот хотя бы садик при вокзале. Весенние саженцы не подвязаны, не окапаны. Землю не удобряли, листву не опрыскивали, подрезку не производили, рыхление...

— Ой, ой, ой, — затрясла головой Таня.— Не все сразу! Тут работы на целый год!

— А ты думала всю работу втроем сделать?— усмехнулся Петр.

— Мы пойдем в школу, поставим вопрос на общем собрании пионеров городского лагеря, — засуетилась Таня.— Потом пойдем в Дом пионеров... потом к шефам...

— Скорее-е-е! Скорее-е-е! •— слышался крик.

Из-за угла улицы на привокзальную площадь выбежал Федька. Он мчался с такой скоростью, словно хотел преодолеть земное притяжение.

— Автобус! — крикнул Федька, подбегая к ребятам, затем, не останавливаясь, описал полукруг и побежал обратно.

Петр побежал за ним. Таня и Яша отстали и добежали до автостанции в тот момент, когда Федя уже подсаживал Петра в запыленный междугородный автобус.

— Еще бы... ух... минута... ух... — еле дыша выговорил Федя, — автобус... уж...

Петр помахал ребятам из окна:

— Спасибо!

...Мишка и длинный Вовка сидели в тени навеса возле железных пожарных бочек и хохотали. Вовка, тот просто ложился на ящик с песком и дрыгал ногами в воздухе от восторга.

Автобус двинулся. Члены зеленого патруля дружно замахали ему вслед: Таня — тюбетейкой, Яша — панамкой, Федя — просто так, ладошкой.

— Ой, не могу! — рыдал от смеха Мишка и обнимал бочку. — Ой, держите меня!

— Вот мобилизуем на посадки все дружины города, — строго сказал Яша, — тогда вы посмеетесь!

— Да идемте, — дернула мальчиков за руки Таня. — Чего вы на них смотрите? Мишки с Вовкой не видели никогда, что ли?

— Если бы этот парень с поезда не оказался таким же зеленым, как вы, — сказал Мишка, — • то он бы, конечно, уехал горбатовским автобусом и догнал бы свой состав. А так Федька его отправил прямым рейсом на Красногорск! Ой, умора!

Та«я и Яша растерянно переглянулись.

— Я... я... — Федька совершенно растерялся, он то краснел, то бледнел. — Мне Мишка сказал... Эта, говорит, машина прямо до Горбатов-ска,..

— Мало ли, что я сказал, — не выпуская бочку из объятий, усмехнулся Мишка. — Ты свою голову должен иметь!

— Мы., мы тебя из школы исключим! — топнула ногой Таня.

— Ох, какая умная нашлась! — подал голос длинный Вовка. — Нас перевоспитывать надо, а не исключать..-

— Ужасно! Вы подвели товарища! — возмущенно закричал Яша, воинственно размахивая панамкой. — Это — предательство!

— Он мне не товарищ, — серьезно отметил Мишка. — Он — вроде вас, зеленый. А раз зеленый...

— То пусть поспеет,—добавил Вовка. — Поспеет—созреет, поспеет—созреет...

— Я в газету про ваше хулиганство напишу! — сказал Яша. — В «Пионерскую правду».

— Хотя в «Крокодил»! — согласился Мишка. — Все обо мне узнают—эх, красота! Знаменитым буду! Про меня написано, а про вас — нет! Вовку не забудь упомянуть!

В этот момент к ребятам торопливо подошел дежурный с железнодорожной станции. На плечах железнодорожника красовался такой белоснежный китель, что без темных очков на него смотреть было почти невозможно.

— Вы тут мальчика не видели? Худенького такого... белобрысого? — спросил он ребят.

— Который от поезда отстал, что ли? — крикнул Мишка из-под навеса.

— Да ни от какого поезда он не отставал, — досадливо отмахнулся дежурный.—Обманщик он! Просто захотел без билета на автобусе проехать! Неужели уже уехал? Ах, какой ловкач!

Мишка и Вовка подошли поближе.

— Я спросил скорый московский, — объяснил дежурный. — Спросил, не отстал ли кто в Новошахтинске. Нет, говорят. А мальчик, спрашиваю, из восьмого вагона? Все в порядке, отвечают, ехало в восьмом два юных натуралиста в Москву, так и едут вдвоем.

— Как же так? — удивился Федя.—Я же сам видел...

— «Видел!»—передразнил его Мишка. — Как он с поезда сходил?

— Нет... — снова растерялся Федя.

— Как мы с ним кучу-малу делали, вот что ты видел!—сказал Вовка.—Так это мы и с тобой можем сейчас сделать.

— Пиши в «Пионерку», оратор!—подтолкнул локтем Мишка толстенького Яшу и в сопровождении Вовки гордо покинул двор станции.

Глава шестая

А ПОЕЗД ИДЕТ В МОСКВУ

22 июля, 7—8 часов.

Глеб открыл глаза. Пальцем отодвинул жесткую шторку, затемняющую окно. Поезд стоял. «Новошахтинск» — Глеб прочел надпись на фронтоне вокзала.

Петра рядом не было. На соседней полке мирно похрапывал пожилой колхозник. Внизу шумно, как паровоз, дышал Федот Федотович и, свернувшись калачиком, опал Пашка.

«Молодец! — подумал Глеб, представив, как Петр сейчас сидит в туалете, скрываясь от проводников.—Нужно его сменить».

Но в это время лязгнули буфера, колеса словно приотпнули на месте, вагон мягко качнулся. Через минуту колеса уже перешли «а привычный убаюкивающий перестук, и Глеб прикрыл глаза.

— Сейчас же встать! — шепотом приказал он себе и тотчас же сладко задремал.

А ЕЭГОН номер восемь постепенно просыпался. По-змеиному шипел толстый шланг пылесоса в руках проводника. Кто-то протопал с полотенцем в умывальник. Старушки из соседнего купе уже пили кофе, наливая его в маленькие пластмассовые стаканчики из большого алого термоса. Бодро, как суслик, засвистел котел с кипятком — дал знать, что все в порядке, можно заваривать чай. Отвечая ему, в купе проводников весело зазвякали пустые стаканы, которыми до отказа был набит поднос.

Радиоузел молчал, и поэтому в вагоне было как-то по-домашнему уютно.

Разговоры проснувшихся пассажиров вертелись вокруг местной злобы дня — братьев-близнецов, зеленых патрулей, и путешествий ребят без родителей.

Пашка и Глеб вышли из купе вместе.

— Где он? — спросил Пашка. — В каком конце?

Братья огляделись. К обоим умывальникам стояли очереди.

— Там, где очередь не движется, — прошептал Глеб. — Это — точно.

Но оба умывальника работали на полную мощность, и скоро обе очереди кончились.

— Что же не моетесь, братцы? — спросил их проводник, разносящий чай. — Одни вы остались грязные! Вот я сейчас пожалуюсь Федоту Федотовичу!

Глеб и Пашка взяли полотенца, зубные щетки, мыло.

— Ты иди в тот конец, а я в этот,—сказал Глеб.— И в каждое купе заглядывай. Где-то Петька, наверно, уже чай пьет...

Но Петьки нигде не было.

Глеб еще раз пробежал через весь вагон к умывальнику, возле которого стоял растерянный и удивленный Пашка. Братья посмотрели друг на друга.

— Пропал! — пожал плечами Глеб.

— Куда же он делся? Может, в другом вагоне?—

предположил Пашка. — Я бы так и сделал в случае чего: раз — и к соседям.

— Тогда за ним нужно сходить! — сказал Глеб. — А то он там будет целый день сидеть.

— Хорошо придумал! — довольный Пашка даже подпрыгнул. — Молодец, Петр! Мы же таким образом до самой Москвы доехать можем! Двое здесь — один там. Один тут — двое там.

— Завтракать, орлы! — крикнул Федот Федотович, высовываясь из купе. — Пирогі стынут! — я, обращаясь к проходящему мимо проводнику, добавил: — Мне сразу три стакана погорячее и покрепче!

Братья быстро умылись и вернулись к себе.

Зашел проводник с чаем. Следом за ним вдвинулся в купе невысокий плотный железнодорожник с красной повязкой на рукаве парусинового кителя.

— Вот они, оба два, — весело сказал проводник. — А вы мне не верили... Это наш обер-кондуктор, самый главный человек! — пояснил проводник.

— Здравствуйте! — произнес обер, поднося руку к форменной фуражке. — Простите за беспокойство, но занятый случай, видите ли... Это вы, извиняюсь, зеленый папурль, который едет в Москву, на выставку?

— Мы, — сознался Глеб. — А что?

Пашка замер с пирожком в руке.

«Ну, все кончено, — подумал си. — Петьку поймали, сейчас потребует билет!»

— Так вот, из Новошахтинска телефонограмму по линии передали, — продолжал обер. — Будто из вашего вагона мальчик отстал. В Москву ехал вроде на выставку, как вы... Но, прошу прощения, видимо, ошибка произошла.

— Л они — вот они, оба два! — повторил проводники засмеялся. — Полный порядок в восьмом вагоне! — и следом за обером вышел из купе.

— Ты понимаешь, что произошло? — быстро прошептал Глеб Пашке.

Но Пашка давмо уже все понял. Он отложил пирожок и выскочил из купе.

— Куда? — удивился Федот Федотович. — А дисциплина за столом?

— Сейчас я его приведу! — сказал Глеб, выскакивая следом.

В тамбуре возле умывальника Глеб догнал брата.

— Что делать? — спросил Пашка.

— Путевки у тебя, оба билета тоже. Теперь ответят по линии, что никто не отставал. Представляешь, каково Петьке? — Обычно спокойный, рассудительный Глеб и тот был в растерянности.

— Все за одного, один за всех! — сказал Пашка. — Если один попал в беду, то мы должны его спасти или быть рядом с ним.

— Значит, лучше будет, если мы с тобой тоже отстанем? А в Москве тетя Глаша нас не встретит, позвонит папе с мамой, поднимется паника. Это уж точно.

• — Нужно отстать кому-нибудь из нас и ехать к Петьке, — предложил Пашка. — Тогда будет сообщение по линии: отстал такой-то. И скажут: посадите его на следующий поезд! А уж на один-то билет мы двое всегда проедем! В общем, я сейчас отстану...

— Почему ты? Может, я... Ведь я еду зайцем!

— Тянем жребий!

Глеб вынул из рубашки нитку. Порвал ее надвое:

— У кого короткая, тот и отстает!

Пашка потянул первым:

— Короткая!

— Не везет мне, — уныло произнес Глеб.

Решено было сделать так: сейчас поесть поплотнее, на большой остановке в Красногорске обоим сойти, потом Глеб возвращается в вагон.

— Еду я тебе положу в кулек, пригодится. — Глеб подумал и добавил: — И возьми все деньги, мало ли что...

— С добрым утром! — вдруг заголосило радио. —

Через десять минут город Красногорск! Стоянка — двадцать семь минут! Повторяю: с добрым утром! Через десять минут...

— Попьем пивка! — натягивая пиджак, радостно приговаривал Федот Федотович, выходя из купе. — Вы, патрулята, можете сойти на перрон, но от вагона не отходить, ясно?

Проводник уже занял исходное положение: открыл, наружную дверь вагона и тряпкой протирал поручни... Стосковавшиеся по твердой земле пассажиры гуськом выстроились в коридоре.

Глеб обстоятельно собирал Павла в путь:

— Деньги во внутреннем кармане, там, где путевка. Но постарайся их тратить только в самом крайнем случае...

Ребята сошли на перрон последними. Проводник и обер-кондуктор стояли возле ступенек.

— Как дела, молодое поколение? — подмигнул братьям проводник. — Решили поразмять косточки? Только не уходите далеко.

— А пакет-то зачем? — спросил обер, кивнув на кулек с едой, который Пашка тщетно пытался спрятать за спину.

— А... этих... как их... огурцов хотим купить, — сказал Глеб.

— Мы огурцы очень любим, — подхватил Пашка.

— Ну, похожи, шельмецы, — покрутил головой обер. — Как два колеса.

Перрон превратился в улицу, по которой прогуливались пассажиры. Из открытых окон вокзального ресторана слышался жизнерадостный перестук ложек и вилок. Бойко шла торговля пивом, бутербродами, газированной водой, мороженым. Какие-то женщины с корзинами настойчиво предлагали пассажирам жареных кур. Курицы, видимо, специально перед продажей смазанные жиром, сверкали на солнце, как жар-птицы.

— Иди в вагон, — сказал Пашка Глебу. — Мне спокойнее будет. А то все время кажется, будто ты тоже сейчас отстанешь.

— Но если узнаю, что с вами что-нибудь случилось, — проговорил Глеб, — то и я сойду с поезда, Один в Москву не поеду!

— Чудак-человек, — усмехнулся Пашка. — Тетя Глаша тебя встретит. Ты ей все расскажешь, будет полный порядок. А мы приедем следующим поездом. Следи за розой, а то мы о ней совсем забыли. Негус можно не поливать: он любую поездку выдержит...

— Знаю, — вздохнул Глеб. — Ну, до свидания...

— Пока, — махнул рукой Пашка. — Переживай там, — он кивнул в сторону вагона, — посильнее. Как в драмкружке!

Меж братьев протиснулся какой-то колхозник с большим мешком, и когда он прошел, то Глеб остался на перроне один, словно Пашка успел залезть в мешок.

Станционный колокол ударил раз, другой. Ряды гуляющих на перроне начали таять. Все реже и реже мелькали сине-полосатые пижамы,

— Ты где прохлаждаешься? — обеспокоенно закричал Глебу Федот Федотович, стоящий возле вагона вместе с проводником. — А брат куда запропастился?

— Н-не знаю, — сказал Глеб, оглядываясь. — Где-то рядом был... Вот только-только...

— Огурцы-то купили? — поинтересовался проводник.

— Кажется... — пробормотал Глеб.

— А где брат? Ведь третий звонок! — заволновался Федот Федотович.

— Может, он уже в вагоне? — предположил проводник.

Паровоз загудел. Глеб вскочил на ступеньки. На перроне остались только проводник и Федот Федотович.

— Нет, его в вагоне нет, — сказала в окно старушка из соседнего купе.

Бесшумно начали вращаться колеса, вагон поплыл.

— Он, кажется, в соседний вагон сел! — сказал Глеб. — Я видел!

Федот Федотович взобрался на площадку. Проводник с флажком остался стоять на нижней ступеньке.

— Задали вы мне нервотрепку! — отдуваясь, произнес Федот Федотович. — Ноты хорошо видел? В какой вагон? В девятый? Или седьмой? Нужно пойти проверить... Пока самолично не увижу, все равно не успокоюсь...

И он пошел по железным **мосткам** в вагон номер **семь**.

Глебу было очень стыдно. Он забрался на свою верхнюю полку. Напротив по-прежнему мирно похрапывал пожилой колхозник. Мелькали в окне какие-то сарайчики, огороды...

«Что сейчас делает Петька? — подумал Глеб. — А Пашка? Наверное, изучает расписание — как попасть в Новошахтинск...»

Пашка действительно стоял перед расписанием. Выходило, что поезд в Новошахтинск должен прийти через полчаса.

Возле кассы никого не было. На деревянном щитке среди прочих цифр и наименований значилось:

«Красногорск — Новошахтинск... 1,5 руб.».

Пашка долго вытаскивал из внутреннего потайного кармана деньги. Он старался вынуть только два рубля, а вытаскивались и другие деньги, и путевка, и билет.

Наконец, он справился с карманом, все запихал обратно, а два рубля положил на деревянный лоточек кассы.

— До Новошахтинска! Один! Бесплацкартный!

Кассирша молча, не отрываясь от чтения какой-то пухлой книги, обменяла деньги на билет.

Пашка отошел от кассы, сел на широкую неудобную, высокую, как подоконник, скамью.

В зале ожидания было пусто и прохладно. Часы показывали восемь ровно.

На подъездных путях прозвучал тоненький гудок — это втягивался в станционный коридор поезд на Новошахтинск.

Из вокзального сквера на перрон потянулись пассажиры и провожающие. Пошел, не торопясь, и Пашка, на ходу дожевывая последний пирожок. Вагоны были почти пусты, и Пашка выбрал самый уютный — там, где играли в «козла».

Глава седьмая

МНЕ НУЖНО В ГОРБАТОВСК

22 июля, 7—8 часов утра.

Автобусный мотор жужжал весело, как шмель. И пассажиры тоже были настроены весело: ведь кончался полторасуточный рейс! Осталось каких-нибудь два часа, даже меньше, до конечной остановки. И Петька улы-

бался во весь рот: как здорово повезло! Он догонит поезд в Горбатовске! Ох, и удивятся ребята!

— Ты болельщик? — спросил Петра его сосед, толстяк в голубой безрукавке. — В Красногорск на футбол едешь? Наша команда играет! Знаешь, сколько наших в Красногорск нынче набегит — полстадиона!

— Нет, мне нужно в Горбатовск, — ответил Петька.

— Хо-хо-хо, вотшутник! — затрясся всем телом толстяк. — Горбатовск — это не по тому маршруту. Мы сейчас прямехонько в Красногорск вкатимся, как мячик в ворота.

Петька огляделся, словно не веря глазам своим, в автобусе он или нет?

— Мне... мне обязательно в Горбатовск нужно? — быстро заговорил он. — Поезд я догоняю. Московский. Братья мои там. Я отстал в Новошахтинске.

Сидящий впереди гражданин в пенсне обернулся. Женщина с заднего дивана подошла к креслам, где сидели толстяк и Петька.

— Чую, не врет парень! — сказал толстый болельщик. — Как же так вышло? Ты что, неграмотный? На автобусе вывеска висит, не заметил?

— Да не висит она, упала, — вздохнула женщина. — н валяется рядом с водителем... Слышите, товарищ водитель? Мальчонку вы не по назначению посадили!

— Мне он дал записку, — не отрывая взгляда от рогп, ответил водитель, — там было написано «обеспечить проезд». А куда — не указано.

— Что же мне делать? — чувствуя, что он сейчас расплачется, повторял Петька. — Что ж мне теперь делать?

— Придется ехать следующим поездом... — сказала женщина. — На Москву все идут через Красногорск, обязательно.

— Там аэродром какой-то рядом, его со стадиона видно, — предложил толстый болельщик. — Может, по воздуху, а, парень?

— Приедем и все решим на месте, — строго произнес гражданин в пенсне. — В крайнем случае, мой юный друг, вы сможете отдохнуть денек на моей даче. А завтра я вас отправлю московским скорым. Ну, опоздаете на сутки, ничего трагического. Билет, надеюсь, у вас с собой?

Петька отрицательно помотал головой.

— Ну, знаете ли, — развел руками гражданин, — отставать от поездаи не захватить с собой билета! Преступное легкомыслие!

— В следующий раз буду отставать — обязательно проверю, взял ли билет! — шмыгнул носом Петька.

Автобус въехал в Красногорск.

— Вот вам мой адрес, — сказал гражданин в пенсне, протянул Петьке листок из записной книжки: — В случае чего — заходите. Буду рад. Учтите: во дворе у меня собака. Так что, пожалуйста, осторожнее.

— Иди на аэродром, — доверительно сказал болельщик. — Воздух не без добрых людей — посадят. Раз-два и — «дорогая моя столица, золотая моя Москва». А пока — давай на стадион. Проведу...

— Да бросьте вы парню футболом голову дурить! — рассердилась женщина. — Сразу иди на вокзал! Слышишь? И узнавай расписание! Может, там что-нибудь подвернется. Мало ли что... Сообщи братьям, где находишься... Прямо к дежурному иди... /Гонял?

Глава восьмая

ОПЯТЬ ТЫ) АГА, ПОПАЛСЯ!

22 июля, 10 часов утра

Пашка сошел с поезда в Новошахтинске. Выпил квасу и отправился на поиски брата.

— Опять ты? — послышался внушительный голос. • — Ага, попался!

Перед Пашкой стоял высокий милиционер и смотрел на него очень строго.

— Здравствуйте... — сказал Пашка.

— А ну-ка, пройдем к дежурному по станции! — не желая вступать в разговор, приказал милиционер,

— Мне как раз к нему нужно, — обрадовался Пашка.

Поднялись на второй этаж. Пашка вошел в большую комнату. На окне стояла грязная пальма. За столом в белоснежном форменном кителе сидел дежурный. Над столом висела большая карта железных дорог.

— Привел! — доложил милиционер.

— Так! — дежурный вышел из-за стола и мрачно поглядел на Пашку.

— Значит, не успел удрать?

— Да он и не удирал, — уточнил милиционер — Я лично видел, как он с красногорского поезда сошел.

— С красногорского? — дежурный поглядел в окно, на перрон. — Но ведь он-то хотел на Горбатовск уехать!

— На Горбатовск?! — воскликнул Пашка. — А зачем? Дежурный непонимающе посмотрел на Пашку:

— Ты же свой патруль догонял. Сказал, что нужно тебе на московский поезд. Братья, мол, там.

Ие прикидывайся, — сказал милиционер. — Нам

все известно. Сознайся лучше — и дело с концом. Ездишь туда-сюда. Министерство путей сообщения обманывает!

— Правда, я отстал! — улыбнулся Пашка. — Вот честное пионерское!

— Сейчас я твою личность установлю, — рассердился дежурный. — Как эта пальма называется?

— Хамеропс, — сказал Пашка, подходя к чахлой пальме.

— Вот! Ты знаешь, что это хамеропс? — спросил милиционера дежурный. — Нет. И я — нет. За всю жизнь я одного человека встречал, который это слово знает — вот парнишку этого. А что с пальмой делать нужно?

— Баню ей устроить, — ответил Пашка. — Листья отмыть. Она же листом дышит. И полить, конечно, землю, наверное, сменить.

— Натуралист! Он! — удовлетворенно сказал дежурный. — Голову даю на отсечение! Зачем ты мне сказал, что отстал от московского поезда?

— Я отстал.

— • Из восьмого вагона?

— Из восьмого.

— Вот телефонограмма с линии — никто у них не отставал, — помахал листком в воздухе дежурный. — Ну, что скажешь?

— Что притих, натуралист? — спросил милиционер.

Петька полез в потайной карман. Выгрузил прямо на стол все деньги, путевки.

— Вот, смотрите. И путевки обе — на брата и на меня...

Милиционер и дежурный внимательно прочли путевки.

«Черт возьми! — мысленно ужаснулся Пашка. — Глеба я оставил без путевки... Как же мы недоглядели? Ну, впрочем, ему она и не нужна пока...»

— Все по закону, — сказал милиционер. — Пожалуй, действительно налицо типичное отстаивание. Но зачем же тогда ты в Красногорск поехал?

— Это я знаю, — вздохнул дежурный. — Там, на станции, автобусы перепутали: вместо Горбатовска его в Красногорск отправили.

— В Красногорск?! — воскликнул Пашка. — Ну и заваруха!

И он начал рассказывать всю историю с самого начала, с «третьего лишнего»...

Через пять минут после начала рассказа дежурный посадил за стол своего помощника: дела не позволяли слушать Пашку, а история оказалась очень занятной, да и важной: братьям требовалось срочно помочь...

...Пашка вышел из вокзала на площадь и облегченно вздохнул. Кажется, дела начинают проясняться! Петька сидит в Красногорске. Дежурный по красногорскому вокзалу разговаривал с ним перед самым звонком из Новошахтинска.

— Скоро в Красногорск пойдет служебная дрезина, — сказал дежурный, переговорив по селектору с кем-то. — Тебя, Пашка, захватят. Никуда не отлучайся. Ну, погуляй вот здесь, под окнами. И ни шагу дальше, понял? Ждать не будут! Я тебе крикну из окна!

Жмурясь под яркими солнечными лучами, Пашка огляделся. Липы посреди площади старые, никто за ними не смотрит, дупла запущены, сухие ветки не обрезаны, кроны не обработаны... Молоденькие саженцы в привокзальном скверике — смотреть жалко!.. А вот старая сирень под окнами дежурного — хороша! Мощные кусты! Если бы ими еще заняться по-настоящему!

Из сиреневых кустов вышли двое мальчиков — один длинный, худой, второй — пониже, пошире в плечах.

«Что-то им от меня нужно! — подумал Пашка. — Наверное, за Петьку принимают!»

Тот, который был пониже, подошел к Пашке и хлопнул его по плечу:

— Здорово ты всех надул! И с поездом московским ловко придумал! Ты на меня не сердись? Я ведь не нарочно, я сам не знал, куда автобус идет...

— Ты меня с кем-то путаешь, — невозмутимо ответил Пашка.

У братьев-близнецов выработался ряд приемов, с помощью которых, если это было нужно, они могли спокойно вводить в заблуждение посторонних. Так и сейчас: Пашка великолепно понимал, что его принимают за Петьку, и хотел выиграть время, выяснить, кто же с ним разговаривает, друг или противник?

— Ого, значит, ты — это не ты? — удивился длинный парень. — Мишка, смотри, как зазнался! Нас не признает! Разговаривать не желает!

— Зеленые ему о нас наговорили всякого, — усмехнулся Мишка, — склочный патруль.

— Дадим ему по шее, а? — радостно спросил длинный. — Дадим, Миш?

— Я-и сам могу, — сказал Пашка.

— Ну? — удивился Мишка.

— Да чего тут разговаривать, — взвизгнул длинный и стал заходить за Пашкину спину.

— Брысь! — сказал Мишка. — Вон зеленые топаю i. Пошли. — И приятели скрылись.

Площадь пересекали девочка в тюбетейке и два мальчика — один толстый, в белой рубашке и белой панамке, другой — худой и загорелый — в одних трусах. В руках у них были лопаты.

Мальчик в трусах нес ведро.

Увидев Пашку, девочка вскрикнула и побежала прямо к нему. Мальчики припустились за ней.

— Как ты здесь оказался, Петя? — воскликнула девочка, и ее мохнатые темные брови сдвинулись в одну сплошную черту. — Ты соскочил с автобуса, да?

— А Федька за это время еще один выговор получил! — рассмеялся толстый мальчик.

— Выговор? За что? — спросил Пашка.

— Он же тебя не на тот автобус посадил, — пояснил мальчик в панамке.

Федя поставил ведро на землю и тяжело, виновато вздохнул.

— Я приехал из Красногорска, — сказал Пашка. — И скоро снова уеду, на дрезине.

— А мы уже провели сбор, — улыбнулась темнобровая девочка.

— Единогласно решили обсадить деревья колючими кустарниками... — подхватил толстенький мальчик в панамке. — Вот идем копать ямки для кустов.

— Правильно! — похвалил ребят Пашка. — Я вам помогу. Давай-ка лопату. — Он взял лопату из рук темнобровой девочки.

И все вместе направились к привокзальному скверу:

Подошли еще школьники с лопатами. Пашка и темнобровая Таня показали им, как нужно копать.

Кто-то сообщил, что первые три десятка кустов терновника привезут со станции юных натуралистов через час.

...- Кто тут на дрезине собирается в Красногорск ехать? — громко спросил милиционер, подходя к ограде сквера.

— Я, — отозвался Пашка. — Пора уже?

— Автодрезина уже к нам вышла. Минут через десять будь на перроне, смотри не опаздывай!

Пашка потянулся за рубахой, лежащей на ограде. Длинный Вовка предупредительно протянул ее.

— Ох, счастливый! — вздохнула Таня. — В Красноярск, а оттуда — в Москву, да? На выставку?

— Постараюсь доехать, — ответил Пашка. — Во всяком случае завтра утром нас встретят.

Ребята с уважительной завистью уставились на Пашку, словно впервые его увидели.

Тихо жужжа, подкатила к перрону будочка на колесах.

•— Мы с вами будем обязательно соревноваться! — улыбнулась Таня. — И приедем к вам! Обязательно!

— А я в Москве никогда не был!... пожимая Пашкину руку, вздохнул Федя. — Следующий раз я кучи-малы не испугаюсь, вот увидишь!..

— Ты, Таня, правильно придумала, — уже влезая в дрезину, произнес Пашка. — Напишите нам письмо. Приезжайте, а потом мы к вам. Здорова будет!

Дрезина бесшумно тронулась с места и, набирая скорость, покатила до выездным путям.

ОСТОРОЖНО—ЗЛАЯ КОШКА

22 июля, 10—12 часов.

На ярко освещенной солнцем красногорской платформе было жарко. Так сильно пахло липовым цветом, что даже возле парикмахерской *ie* чувствовалось въедливого приторного одеколонного запаха.

Голодный Петька грустно стоял возле ларька, где торговали пивом, бутербродами, жареными пирожками, и мечтал о коммунизме, когда для того, чтобы поесть, нужны будут не деньги, а только аппетит.

...Дежурный по станции, бритоголовый высокий мужчина в больших очках, внимательно выслушал Петьку.

— Чего же вы хотите от меня, молодой человек? — совершенно безразлично спросил он. — Мы проверим, отстали ли вы действительно, и если придет утвердительный ответ, то постараемся обеспечить вам посадку на завтрашний московский скорый. Еще есть вопросы?

Когда Петька входил в эту комнату, то у него в голове крутилось так много вопросов, что трудно было разобраться, какой из них важнее. Но от бритоголового дежурного веяло такой ледяной прохладой, таким равнодушием, что Петька растерялся. Очки дежурного сверкали на солнце, зайчики от них прыгали по стенам, и Петька смотрел на блестящие круги стекол, как загипнотизированный. Здесь почему-то даже липами не пахло, хотя за окном виднелись мощные кроны деревьев, осыпанные желто-белыми цветами.

— Больше вопросов не имеется? — продолжал дежурный. — Можете идти. Слушайте радио. Если вы мне понадобится, я вызову.

— Спасибо, — тихо проговорил Петька и вышел из комнаты.

Он словно заразился равнодушием дежурного — ему теперь стало как-то все равно: догонит он братьев или нет, когда сядет на поезд, где будет ночевать...

На платформе к Петру подошла торговка, зазывно и вкрадчиво спросила:

— Курочку жареную, случайно, не желаете? — перед самым Петькиным носом на большой черной ладони, как на сковороде, засверкала лоснящаяся курица.

— Дешево отдам, пальчики оближете, век хвалить будете, снова придете меня искать, — тараторила торговка.

Петька втянул в себя воздух. Курица пахла цветущей липой. Если бы она пахла, как ей положено, по-куриному, то Петька, наверное, укусил бы ее. Но липовый цвет вернул Петьке самообладание.

— Денег нет, — равнодушно сказал он.

— Нет, а еще нюхаешь, — засовывая курицу в мешок, беззлобно произнесла женщина и пошла в тень ларька, где сидели в ожидании следующего поезда все торговки-частницы.

Петька снова — в который раз! — принялся обшаривать карманы, — а вдруг заваялся какой-нибудь шальной рубль? И вдруг — вот повезло! — пальцы нащупали жесткую бумажку... Деньги! Нет, это была аккуратно свернутая в квадратик записка:

«Клубничная улица, дом 3».

— Тьфу! — с горя Петька скомкал записку и так швырнул ее, что она перелетела через рельсы и укатилась куда-то на дальний, поросший реденькой травкой запасной путь.

«Это мне в автобусе дал тот, в пенсне, — вспомнил Петька. — А что если зайти к нему? Так, мол, и так... Умираю с голода из-за случайного стечения обстоятельств... Если не жадный, то накормит. В крайнем случае скажет, где здесь пионерлагерь, что ли... Там-то уж ребята вынесут из столовой что-нибудь...»

И Петька отправился на Клубничную улицу.

Его рубашка еще мелькала на фоне дачных заборов, когда к радистке в комнату вошел дежурный.

Погладив свою бритую голову, он произнес:

— Понимаешь, Валуша, тут от меня только-только парнишка зышел, Пега Прозоров. Они с братом отстали

от московского скорого. Мне звонили из Горбатовска. Один брат у них, другой — у нас. Тот едет сюда, на служебной дрезине. Нужно этого Петю ко мне вызвать. Объяви, пожалуйста, Валюта.

— Петя Прозоров! — звучало радио на платформе в зале ожидания, возле касс и на привокзальной площади. — Петя Прозоров, немедленно зайди к дежурному по станции. Петя, скорее, очень важное дело... Слышишь?

И опять строго официально:

— Петя Прозоров!..

...Петька добежал до зеленой дачки, свернул за угол, посмотрел на табличку, прибитую на заборе:

КЛУБНИЧНАЯ УЛИЦА

Дача номер три была почему-то седьмой от начала и стояла между дачами номер 15 и 89. Высокий забор отделял ее от улицы.

«ОСТОРОЖНО — ЗЛАЯ КОШКА» — чернели буквы на калитке.

И тут же той же черной краской кто-то сделал приписку:

«Укушенный! Пеняй на себя. Тебя предупреждали, хозяин ответственности за кошку не несет!»

Петька оглядел калитку: никаких признаков звонка. Как же узнают хозяева, что к ним пришли?

По улице медленно шагал старичок в соломенной шляпе.

— Кого ищешь, мальчик? — спросил старичок и остановился.

— Здесь живет высокий такой дяденька в пенсне, — ответил Петька. — Он просил меня зайти...

— Гм, гм... — старичок подозрительно оглядел Петьку — в пенсне? Не знаю такого... Тут проживает Виктор Иванович... ученый, доктор наук. И никаких пенсне он не носит.

— Как же не носит?! — с отчаянием выкрикнул Петька. — Он сам меня пригласил. Заходи, говорит, вот тебе адрес... Клубничная, три.

— Ну, раз приглашал... — старичок хмыкнул, — тогда, конечно. Только доктор наук пенсне не носит — уж я-то точно знаю...

«А вдруг он что-нибудь спутал? И улица не Клубничная, а Земляничная? Эх, нужно было сохранить запи-

ску... Ч^то же делать? Все-таки нужно проверить, здесь он живет или нет...»

Петька нажал на калитку. Она поддалась, отступила. Ровненькая дорожка перерезала аккуратный сад.

«Груши, яблони, сливы, ого — абрикосовое дерево! Разве у нас абрикосы ызревают? — Петька и не заметил, как сделал два шага по дорожке «как мягко, бесшумно захлопнулась за ним калитка. — А это что-то странное... Неужели мандариновое дерево? Цветы в горшках! Странные цветы — зеленые, черные...»

Петька так увлекся созерцанием неведомых ему расцветов, что даже забыл о голоде, о том, что он находится без разрешения в чужом саду... Звук, очень похожий на зевок, заставил его оглянуться.

Посреди дорожки, отрезая Петьке путь к выходу, стояла большая, серая в полоску, кошка. Она очень смешно облизывалась, изредка щелкая зубами, словно ловя летящую мимо мошку.

«Это и есть злая кошка? — усмехнулся про себя Петька. — Да я ее...»

Но тут он заметил, что зеленые глазки этой кошки горели поистине змеиной яростью. Инстинктивно Петька сделал шаг назад, но услышал за своей спиной предупреждающее ворчание. Он оглянулся. Сзади стояла точно такая же злобная полосатая кошка и так же с аппетитом облизывалась.

«Двойняшки! — мелькнуло в голове у Петьки. — С шумя не справиться!».

— Что делать будем? — вслух подумал он, глядя на кошку номер один.

До калитки было ближе, чем до дачной террасы. Но если бежать к выходу, то кошка номер два наверняка вцепится во что-нибудь Петькино. А может, кошки ведут себя не так, как собаки, и не кидаются на людей? Зачем же тогда предупреждение на калитке? Глеб как-то рассказывал о том, что рослых сибирских кошек иногда дрессируют для сторожевой службы. И будто бы из этих кошек получаются сторожа не хуже, чем из собак.

— Мяу, — раздраженно произнесла кошка номер один и, словно подстегивая себя, хлестнула хвостом по боку.

— Мяу, — отозвалась кошка номер два.

«Все же лучше прорываться к террасе, — подумал Петька. •— Во-первых, если хозяин дома, то кошки сразу отвяжутся, а во-вторых, возле ступенек есть кирпичи...»

Часть кирпичей уже была воткнута в землю вокруг небольшой круглой клумбы, а другие — сложены стопочкой перед входом на террасу.

«Нужно кошек напугать чем-нибудь, они растеряются, — решил Петька, — и я в два прыжка—у кирпичей».

— Уау!—«друг отчаянно закричал он, подпрыгнул на месте. — Уау!

И бросился к кирпичам.

Кошка номер два посторонилась, пропуская орущего Петьку.

Сев на кирпичную стопку, Петька огляделся. Обе кошки уже сидели тут же и, как показалось Петьке, удивленно рассматривали его

Петька прикинул: до террасы оставалось три шага. Застекленная, похожая на оконную раму дверь была завысно приоткрыта. Он взял в каждую руку по кирпичине.

Обе кошки продолжали внимательно наблюдать за его действиями.

Петька уже начл было замахиваться, как почувствовал, что кто-то удерживает его руку. Он оглянулся и выпустил кирпич: третья кошка, еще более крупная, чем две первые, положила обе передние лапы на Петькину руку и вот-вот готова была пустить в дело когти.

«Если такая по лицу лапой погладит, — с дрожью подумал Петька,—то сам себя не узнаешь...»

Кирпичи снова легли в стопку. Большая кошка, мирно мурлыкнув, скрылась в зарослях цветов.

Петька решил сделать еще один прыжок — к террасе.

Взглянул на пригревшихся на солнцепеке кошек. Они сидели, полускрыв **глаза**.

«Вот эта, большая, в цветах сидит, самая опасная, — подумал Петька. — Ну, будь что будет!»

Он оттолкнулся от кирпичей, они рассыпались по дорожке, но Петька уже успел вскочить на ступеньки. Проскользнуть на террасу и закрыть за собой дверь было делом одной секунды.

.— Ух! — облегченно вздохнул Петька.

Желтый крашенный пол террасы пыла/, жаром. Солнце так накалило его, что тепло чувствовалось даже сквозь подметку Петькк'ных ботинок.

— Можно войти? — громко спросил Петька.

Никто ему не ответил.

Затем стала медленно приоткрываться дверь, ведущая в комнату, и на террасу вышла большая серая кошка. Она посмотрела на Петьку и вдруг прямо с места прыгнула к дверям. В один прыжок она преодолела метра четыре. И, как ни в чем не бывало, легла на пороге, закрыв **глаза**.

Петька сделал шаг к ней, но она мурлыкнула так грозно, что стало ясно: никакого контакта с ней установить не удастся.

Кошки, оставшиеся в саду, громко замыкали.

Петька видел их сквозь застекленный бок террасы — они сидели на прежнем месте, только третья, большая кошка бродила меж рассыпанных кирпичей.

Мяуканье услышали соседские собаки. Сначала тьякнула какая-то маленькая собачка, потом ее поддержал басовитый, словно простуженный, голос. Переключка ширилась, все новые и новые собаки вступали в нее. Над дачами уже стоял такой лай, словно в поселке объявили конкурс на лучшего пса-брехуна. Кошки отвечали мяуканьем, и оно, видимо, было очень ехидным, потому что собаки принялись лаять еще злее и азартнее.

— У доктора опять кого-то кошки рвут! — слышался звонкий мальчишеский голос, и над забором показалась голова в беленькой шапочке.

Кошек, сидящих возле кирпичей, словно ветром сдуло. Через мгновение Петька увидел, как серое тело метнулось по забору, там, где торчала мальчишеская голова.

— Тикай! —i раздался веселый вопль, голова исчезла. Собаки продолжали перекрикивать друг друга.

Петька понял, что до появления хозяев ему отсюда не выйти.

«Поесть что-нибудь бы!» — мечтательно подумал он и направился в комнаты.

Кошка на пороге встала, пошла за ним.

Комната, куда попал Петька, оказалась библиотекой. Так как перед глубоко задвинутыми в гл/убину книгами

оставалась свободной часть полки, то хозяин дачи использовал его для размещения коллекции камней, колбочек с какими-то бесцветными жидкостями, небольших аквариумов с рыбками.

Подойдя ближе, Петька убедился, что книг на полках не было. Их заменяли отполированные куски дерева, на корешках которых, как тиснение по книге, чернели буквы: «Клен», «Самшит», «Туя», «Тунг»...

Петька снова забыл о голоде. Вот это коллекция! Как их только пород дерева тут нет! Из Африки, Америки, с различных островов! Вот темир-агач — «железное дерево»! Петька только слышал о нем, но никогда не видел. Оно растет в Азербайджане на Талышинских горах. Древесина его настолько тяжела, что тонет в воде, как самшит, растущий на Кавказском побережье Черного моря. Но темир-агач имеет еще одну любопытную особенность; кора у него очень тонкая, и когда ветви на ветру трутся друг о друга, то кора быстро стирается. В тех местах, где древесина обнажается, ветви срастаются. Таким образом, темир-агач можно придать любую форму. Чаек, из него делают изгородь. Такая изгородь-решетка с каждым годом будет становиться все крепче и толще, а ремонт и покраска ей не нужны...

— ..У нас гости? — раздался вдруг чей-то мужской голос.

Петька оглянулся. На пороге стоял полный мужчина в светлом костюме с тростью в руке.

— Зачем пожаловали, юноша? — ставя трость в угол, спросил мужчина.

— Мне нужно было на Клубничную улицу, дом три, — оказал Петька.

Мужчина прошел в соседнюю комнату.

— Так... значит, дом три... — мужчина вновь появился, но уже без пиджака, в рубашке. Кошка терлась о ноги хозяина. Он пощекотал ее за ухом, scomандовал:

— На место, Фукс! — и кошка убежала.

— А ты, кажется, ненашенский? — внимательно взгляделся в Петьку мужчина — Конечно, приезжий. Но почему тебя не предупредив товарищи, что сюда нельзя забираться? Ведь кошки могли тебя искушать!

— Я только что приехал... Из Новошахтинска. С автобусом. Меня сюда пригласил высокий гражданин в пенсне... Мы ехали вместе...

— А-а, мой сосед! Действительно, он уезжал в Новошахтинск. У нас дача — пополам... С той стороны живет он, а с этой — я. Так что адрес у тебя был правильный... Но почему ты пошел сюда, а не к нему?

— Я не знал, что у вас два входа... — растерянно ответил Петька и рассказал, как он удирал от кошек.

Мужчина подумал, согласился:

— Что ж, правдоподобно, пожалуй. Когда я вошел, ш рассматривал вот это, — мужчина взял «книгу» «Темир-агач». — Ты знаешь, что это такое?

Петька улыбнулся. Ему ли не знать знаменитое дерево!

— Чему ты улыбаешься? — удивленно опросил мужчина.

Петька рассказал все, что он знал о железном дереве. Мужчина слушал, качал согласно головой.

— А про вольфию ты что знаешь? — спросил он.

— Это не дерево, это — цветок, — ответил Петька. — Самый маленький цветок на земле. Лепесток у него один. И крохотный, маленький. Цветет вольфия редко. Да и сам цветок — с булавочную головку. Вообще растение очень ценное.

— Ну-ка, иди сюда, — мужчина прошел в дальний уголок и взял в руки небольшую баночку, в которой плавал малюсенький цветочек с лепестком.

— Вольфия! — восторженно прошептал Петька. Не только он, но и сам Иван Иванович, руководитель юннатов, всю свою жизнь проживший среди цветов, никогда не видел вольфию! Рассказать ребятам — не поверят, что Петька держал в руках баночку с заспиртованным релким цветком!

Глядя на Петькины пальцы, благоговейно держащие баночку, мужчина улыбнулся:

— Ну, теперь давай знакомиться! Виктор Иванович!

— Петр Прозоров, -- солидно ответил Петька.

— Следующим мероприятием, товарищ Прозоров, — сказал Виктор Иванович, — обед. Я, прошу прощения, не ел с пяти часов утра и буду немедленно питаться.

— А я со вчерашнего дня ничего не ел, — сознался Петька.— Вот только вечером, в поезде, чаю стакан выпил...

— Ай-ай, не густо! — покачал головой Виктор Иванович. — Сосед, который тебя пригласил, еще рцомой не

приходил — у него окна закрыты ставнями. Так что пошли готовить обед, коллега. Сначала поедим, а потом мне расскажешь о своих делах.

Обед, собственно, был уже готов: суп стоял в термосе, а котлеты с кашей — в холодильнике. Их нужно было только подогреть.

— Кошки меня хорошо стерегут, — возясь со сковородкой, рассказывал Виктор Иванович. — Они гораздо страшнее собак. Во-первых, если кто-нибудь залезет на дерево, они его оттуда спокойно снимают. Во-вторых, они, как ты, наверное, заметил, двигаются бесшумно: не мяукают, не рычат. Они воспитаны по-бульдोजьи: в дом пустят, а выпустить — ни за что. Пока я не прикажу. Кто без меня приходит — часто отсиживается здесь. Так что ты мог не прыгать и не пугать их: они все равно пустили бы тебя на террасу.

— Почему же вы звонок не поставили на калитке? — спросил Петька. — И вообще ее не запрете? Тогда бы никто к вам не входил,

— Звонок мне не нужен, он только бы звонил целый день без передышки, — сказал Виктор Иванович. — Знаешь, сколько здесь ребят, которые с моими котами в плохих отношениях? А шеколда сегодня совершенно случайно не была заперта, просто отскочила.

Петька жадно, даже не чувствуя вкуса, ел горячий суп.

Виктор Иванович, прищурившись, смотрел, как сверкает в Петькиных руках ложка.

Каша с котлетами исчезла с Петькиной тарелки с быстротой супа. После этого пошли на террасу пить крепкий чай.

— Чай у меня вместо сладкого, — пояснил Виктор Иванович. — На третье, так сказать...

Виктор Иванович весело подмигнул:

— Теперь давай про свои дела. Так, говоришь, от поезда отстал?

Петька рассказал все, как было, начиная с «третьего лишнего» и появления Глеба в поезде до драки с Мишкой и от разговора с новшахтинским дежурным до перепутанного автобуса.

— Значит, тебя выручать нужно? — спросил Виктор Иванович.

— Де^рный обещал меня завтра на поезд посадить, — ответил Петька.

— Так то завтра... Ну, сегодня, положим, ты у меня переночуешь. Или у соседей. Но ведь обидно: весь день впереди еще, а ты уже, как «очной мотылек, крылышки сложил... Дескать, опоздал, не догнать... Нужно что-то придумать...

Сторожевые злые кошки терлись о ноги, как самые обычные домашние киски. Легкий ветерок играл листьями редких деревьев в саду.

— Ты за правое дело вступился. И, выходит, за это пострадал. Обидно. Ты не знаешь, случайно, когда поезд, от которого ты отстал, будет сегодня в Синереченске?

— Не знаю.

— По-моему, приблизительно часов в девять вечера. Хм... Интересно может получиться... — Виктор Иванович забарабанил пальцами по столу. — А если тебе лететь самолетом?

— Что? — сразу не сообразил Петька. — Каким самолетом?

— Обыкновенным. С крыльями и хвостом. Долепишь до Синереченка за какие-нибудь два часа. И подождешь Там свой поезд.

— Денег нет, — потупился Петька.

— Идея! — воскликнул Виктор Иванович. — Честное слово, идея! Товарищ Прозоров! Вы полетите на самолете до Синереченска. И бесплатно! — И он, вынув авто ручку, стал что-то быстро писать на листке блокнота. — Вот, Прозоров, иди на аэродром сельхозавиации. Можно — прямо по улице, можно — мимо станции. Спросишь Бондарева. И передашь ему эту записку. Усвоил?

— Спасибо, — беря записку, пробормотал Петька. — Очень большое спасибо...

Петька еще два раза крикнул «спасибо» и помчался к калитке.

...Когда он с курьерской скоростью, сжимая в руке затертую записку, оставил далеко позади станцию, то репродукторы шелкнули, откашлялись и произнесли:

— Петя Прозоров, немедленно зайти к дежурному по станции... Петя, очень важное дело, слышишь?

Глава двенадцатая

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

22 июля, 12—13 часов.

...Петька шагал рядом с летчиком Бондаревым по аэродрому. Летное поле, казавшееся издали бархатно-ровным, оказалось кочковатым, в мелких бугорках. Бондарев делал один шаг, а Петьке приходилось делать четыре. Поэтому казалось, что рослый летчик шагает не спеша, а Петька торопится изо всех сил.

— Парня нужно попутной машиной в Синереченск отправить, — сказал кому-то Бондарев. — По личной просьбе Виктора Ивановича... Если, конечно, самолет, не будет перегружен. Ты, Петр, посиди тут, а я пойду все раз-
знаю...

Летчик ушел в дом и вскоре вернулся уже в летном комбинезоне, со шлемом и очками в руке.

— Везет тебе, Петр! — весело сказал Бондарев. — Я лечу в Синереченск. Срочный груз, химикалии, в общем — едем.

Петька зскачил со скамейки, запрыгал на одной ножке:

— Догоню, догоню, догоню... Ой, спасибо... Вот здорово будет!

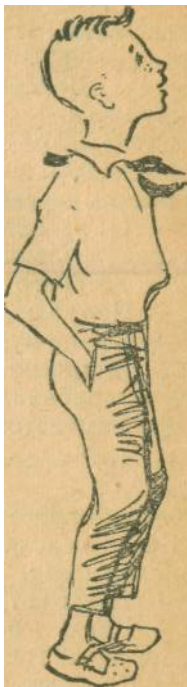
Коренастый летчик в комбинезоне остановился перед входом в дом, удивленно начал рассматривать Петьку.

— Никогда не видел, как люди радуются? — спросил его Кирилл.

— Да тут, понимаешь, чудеса творятся, — неуверенно проговорил коренастый летчик.

— Что такое, Вася? — обернулся Бондарев. — Или ЧП произошло?

— Вроде, — вздохнул летчик, продолжая во все глаза

рассматривать Петьку. — Понимаешь, я только что из Горбатовска. Сам знаешь — двадцать минут лёта. Так вот как ты, парень, успел сюда раньше меня прилететь?

— Посмотри на поле, — махнул рукой Бондарев. — Один твой вертолет стоит. Кто ж парня привез? Шел бы ты, дядя Вася, в санчасть...

— Придется, — летчик провел ладонью по лбу. — Но как же все-таки ты сюда добрался раньше меня? — спросил он Петьку. — Ведь я же тебя на станции в Горбатовске видел! Загадка природы?

— Это мой брат! — воскликнул Петька. — Или Пашка, или Глеб.

— Как так: или — или? — заинтересовался Бондарев.

— Один из моих братьев, мы близнецы...

— Загадка природы! — растерянно повторил летчик. — Понимаете, леч^ из Кружанска, нужно срочный груз передать на московский скорый. Обогнал я его по 'юрге. Сел в Горбатовске. От аэродрома там до вокзала рукой подать. Пошел, сдал груз, поезду ручкой помахал. Квас пью. Смотрю — вот этот хлопчик...

— Брат его, — поправил Бондарев.

— Может быть, все может быть, — охотно согласился летчик. — Загадка природы, одним словом... Так вот, сидит этот хлопчик возле бочки с квасом. Спрашиваю: «Ты последний?» Он мне так спокойно отвечает: «Я не пьющий»... Близнецы, значит?

— Да, — кивнул головой Петька.

— Ну, летим, Петр. Чего стоишь? — Бондарев положил свою большую руку на Петькину голову.

— Я... я... не полечу... Ведь брат там, в Горбатовске.' Я-то догоню поезд, а он как же? Отстанет? Уж лучше мы вместе завтра-поедем...-

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — воскликнул Бондарев, — Брата твоего захватить мы никак не сумеем! Я прямо на Синереченск лечу.

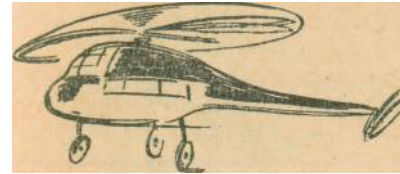
— Мне бы до Горбатовска добраться поскорее, мечтательно проговорил Петька.

Летчик поднял Петьку за локотки, и Петька совсем рядом увидел заботливые, внимательные глаза.

— Брата не хочешь в беде оставлять? Правильно! — сказал Бондарев и поставил Петьку на землю. — Сейчас Васин вертолет обратно в Горбатовск полетит, тебя захватит... Я договорюсь!

МЫ ПРОИГРЫВАЕМ
ТРИ — ОДИН

22 июля, 15—16 часов.

Бондарев снова скрылся в доме.

К вертолету, который только что прилетел из Горбатовска, грузовик подвез груду какmx-то ящичков. Один за другим они исчезли в корпусе вертолета.

Из дома вышел Бондарев вместе с дядей Васей.

— Загадка природы, полетишь со мной, — сказал дядя Вася. — Через двадцать минут будем на месте... Ты на вертолете-то летал?

— Я и на самолете — никогда, — сознался Петька.

— Получишь воздушное крещение! — потрепал Петьку по голове Бондарев.

— У меня к вам просьба, — умоляюще произнес Петька. — Позвоните дежурному по вокзалу. Скажите, что отправили меня в Горбатовск. Чтобы он не беспокоился. Очень вас прошу...

— Ладно, позвоню. Ну, до свидания, Петр. Авось, увидимся еще как-нибудь.. — *If* Бондарев зашагал по траве к своему самолету — громадный, широкоплечий.

...Как вертолет поднялся в воздух, Петька даже не заметил. Что-то шумело, мелко дрожали ящички, и Петька с удивлением увидел внизу маленькие самолетики на зеленом поле, длинный, словно выдавленный из тюбика зубной пасты, белый дом

Петька сидел сзади дяди Васи, совсем рядом, смотрел вниз, наслаждаясь полетом. И беспокойные мысли не оставляли его: кто из братьев и каким образом попал в Горбатовск? Не случилось ли чего?

— Вон, видишь, Горбатовск уже, — показал пилот вперед. — Вот, с краю, аэропорт. Большой аэропорт — во все концы страны отсюда лететь можно... А вон — вокзал. Тебе туда бежать... Наш аэродром — совсем рядом с вокзалом...

...Когда вертолет приземлился, Петька поблагодарил пилота и припустился со всех ног к вокзалу.

Вбежав в зал ожидания, он сразу же увидел брата. Тот сидел спокойно на скамейке и читал книжку. Это был Глеб.

Дрезина не подъехала к перрону Красногорского вокзала, а

стала на запасном пути. Пашка побежал, прыгая через рельсы, прямо к белеющему вдали зданию вокзала.

— Я что-то не совсем разбираюсь в ваших делах, — с любопытством поглядывая на Пашку, сказал дежурный по вокзалу, высокий, бритоголовый мужчина в очках. — Но мне звонили с аэродрома и сказали, что ты, Петр, улетел в Горбатовск.

— Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, я не Петр Прозоров, — сказал Пашка. — Я его брат, мы — близнецы, нас все путают.

— Это ты отстал в Новошахтинске? — блеснул очками дежурный.

— Не совсем так, — замялся Пашка. — Но, в общем, я оттуда...

— Мне передали, что ты сюда едешь, и я хотел твоему братцу об этом сообщить, но, — дежурный развел руками, — он, оказывается, уже улетел.

— ...Что ему там понадобилось? — вслух раздумывал Пашка.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал дежурный. — Но если ты хочешь ехать в Горбатовск, то иди на автобусную станцию. Два часа — и ты в объятиях брата. Желаю удачи! — и он склонился над бумагами.

...Два часа в автобусе показали Пашке двумя сутками: он даже дважды засыпал. В голову приходили десятки причин, заставивших Петра улететь в Горбатовск, но ни одна из них не могла толково объяснить этот неожиданный Петькин поступок.

Вот он, Горбатовск, наконец-то!

Пашка спросил, как пройти к железнодорожному вокзалу, и помчался туда со всех ног.

Перебежав площадь, Пашка влетел в зал ожидания. Пассажиров было немного. В дальнем углу о'с сразу, за-

метил две одинаковые белые рубашки. Глеб и Петька! Вот это да!

...Братья встретились по-деловому.

— Зачем с поезда слез?—спросил Пашка Глеба, подбегая к нему.—А ты,—сразу же обратился он к Петьке,— почему не сообщил дежурному, почему в Горбатовск летишь? Я ж во всяких догадках заблудился!

— Никогда не оставлять одного в беде! Или вы забыли наш закон?—прищуриваясь, сказал Глеб. Бели уж попадать в беду, так всем троим!—Я понял, что вы друг друга никак не найдете. Целый день в наш поезд шли запросы: кто из вас где находится. Стало ясно: без меня пропадете.

— Подумаешь! — протянул Пашка.—Я, может, уже на поезд сел бы! И Петька только из-за тебя сюда прилетел.

— Во-вторых, — продолжал Глеб, — у нас украли семена пшеницы.

— Кто украл? — чхнул Пашка.

— Неизвестно! -- развел руками Петька. — Пропали все.

— А в холодильнике ты искал? — спросил Пашка Глеба.

— В каком холодильнике? — сморщил лоб Глеб.

— У проводников в купе! Я их туда положил! Там же постоянно четыре градуса — он испорчен, другой температуры не показывает!

— Чего же ты нам не сказал? — удивился Петька.

— Забыл... — виновато произнес Пашка. — То мы Глеба прятали, то ты потерялся...

— В-третьих, — продолжал Глеб, — обе путевки на выставку забрал с собой Пашка, и в Москве я все равно должен был бы ждать вас.

— Верно, — опять признался Пашка. — И как они обе у меня оказались — сам не понимаю. Случайно захватил...

— А из-за тебя человеку пришлось с поезда сходить! — сказал Петька. — Растеряха!

— Это кто растеряха? Я? — сжал кулаки Пашка.

— Ты! — выставил плечо вперед Петька. — Забылашь обо всем.

— Я-то забываю?!

— А кто же?

— Ладно, хватит! — спокойно произнес Глеб. — Вернемся из Москвы, дома устроим показательный бой.

И Пашка с Петькой сразу же снова превратились в мирных собеседников.

— Как же нам в Москву попасть? — спросил Петька. — Ждать завтрашнего поезда?

— Да, чуть не забыл, — сказал Глеб, — все вещи поручены Федоту Федотовичу. Он передаст тете Глаше черенки розы и крыжовника, чемодан. Скажет ей, что мы, мол, приедем на следующий день. Билеты я у проводника взял. Может, придется их сдать в кассу и получить деньги.

— Зачем это?— удивился Пашка.

— Мы полетим на самолете, — твердо оказал Глеб.— Мы с Петькой уже ходили к дежурному по вокзалу, просили передать всем, чтобы нас больше не искали.

— Откуда же вы знали, что я сюда приду? — спросил Пашка.

— Так ведь из Красногорска позвонили, сказали, что ты выехал сюда! — ответил Глеб. — В общем, так: на еле

дующий московский поезд мы всегда успеем сесть, он идет завтра. А сейчас пошли на аэропорт — может, удастся улететь. Тогда мы утром будем в Москве, раньше нашего поезда.

— Вот было бы здорово! — воскликнул Пашка.

— Сейчас нужно сосчитать, сколько у нас денег, — забеспокоился Глеб. Вот, мои...

Петька посчитал деньги, извлеченные из потайного кармана, и те, которые Глеб получил в кассе, когда сдавал билеты.

— Сорок рублей с копейками, — доложил он.

— Ого! — восторженно закричал Петька. — Мы — миллионеры. Я никогда не видел столько денег сразу.

— Это стоимость лишь одного самолетного билета от Горбатовска до Москвы, — спокойно сообщил Глеб.

Пашка и Петька растерянно переглянулись.

— Может, мы по детским? — безнадежно спросил Петька. — Мы же... того... дети еще?

— Нас трое, а денег-то на один билет, — покрутил головой Пашка. — Мы проигрываем три — один.

— Ну, знаешь, — Петька презрительно сощурил глаза, — рано ты сдаешься!

— Кто сдается? — сжал кулаки Пашка. — Я сдаюсь?!

— А что, я! — выставил плечо вперед Петька.

— Ша! — твердо сказал Глеб. — Драться будете дома. А сейчас поехали в аэропорт.

Глава четырнадцатая

ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ

22 июля, 17—20 часов.

Справа и слева от входа в аэропорт стояли разлапистые клены, в тени которых предусмотрительная администрация разместила различные киоски и ларьки. Поэтому под кленами всегда было шумно и оживленно.

Площадь, примыкающую к аэровокзалу, окружали густые заросли сирени. Скамеек там не поставили, но свежая травка так и манила к себе. Поэтому почти из-под

каждого куста виднелись ноги отдыхающих на лоне природы.

Когда ветерок доносил сюда слова радиобъявлений: «Начинается посадка... на самолет, следующий рейсом...», то и сирени высакивали растрепанные пассажиры и бежали к вокзалу. Через несколько минут те, кто беспокоился напрасно, медленно возвращались обратно.

Братья Прозоровы обосновались между двух небольших, но достаточно густых кустиков сирени.

— Здес. наша база! — сказал Глеб. — Нельзя, чтобы нас видели втроем, ясно?

— Ясно! — одобрили братья. — Будем выходить только по одному!

— Чур, первым иду в разведку я! — закричал Пашка.

— Жребий будем тянуть, — Глеб отломал сухую веточку, разломил ее на две короткие и одну длинную палочку.

Первым тянул Пашка. Короткая.

— Вот она длинная! — сказал Петька и вытащил короткую.

— Значит, иду я! — Глеб выглянул из кустов. — Только чтобы вы — никуда, ясно? А то опять будем друга друга искать!

Братья поклялись сидеть безвыходно, легли на траву и принялись рассматривать небо. Серебристой рыбкой плыл в голубой глубине еле видимый самолет. Даже мотора слышно не было. Эх, удалось бы в Москву улететь! Но как это сделать?..

«...Как же это сделать?» — обходя залы аэропорта, думал Глеб. Возле кассы он еще раз убедился, что денег едва хватает на один билет.

Невысокий гражданин в красивой, непонятно из чего сделанной серо-серебристой шляпе долго внимательно смотрел на слоняющегося по залу транзитников Глеба.

«Наверное, он знает Пашку или Петьку», — подумал Глеб.

На Москву, как сказали Глебу в справочном бюро, шло сегодня несколько самолетов. Даже один «ТУ-104». Сообщение прямое — ни один из самолетов до самой столицы никаких посадок не совершает.

— Давайте решать: что делать? — сказал Глеб, вернувшись к братьям и доложив обстановку.

— Я придумал! — заговорщически зашептал

Петька. — Мы покупаем один билет, проходим через контроль все трое...

— Потом в воздухе нас обнаруживают, но уже поздно! — подхватил Глеб. — Мы прилетаем в Москву!

— Да! Ты тоже так думаешь? — обрадовался Петька.

— Потом папе присылают стоимость двух билетов и штраф! — закончил Глеб.

— Ничего себе способ! — рассмеялся Пашка.

— Да, насчет штрафа я как-то не подумал, — вяло признался Петька.

— Вот это, — Пашка понизил голос, — мы один и тот же билет передаем друг другу, как эстафету, и летим на разных самолетах. Сначала — Глеб, во время посадки он передает билет мне, потом я — уже на другой самолет сажусь, как опоздавший... билет передаю Петьке...

— Эх! — вздохнул Глеб. — А во-вторых, самолеты свяжутся с аэропортом по радио, и нас сразу же поймут...

— И опять папе штраф платить, — добавил Петька Братья замолчали.

— Не нужно никого обманывать, — подумав, сказал Глеб. — Пойдем к дежурному по аэропорту. Пусть он нас в виде исключения как-нибудь отправит в Москву, Ну, хотя бы на свободных местах. Или — в багажнике. Ведь ему все равно: самолет идет, места свободны, почему пиае на них не взять?

— Пусть он сначала поохает, удивится, — поддержал Глеба Петька. — А потом уж решает, как помочь.

Кусты зашелестели. Братья насторожились, переглянулись.

Ветки сирени раздвинулись, и показалась голова мужчины в серо-серебристой шляпе.

— Трое? — удивленно спросил он.

— Двойняшек видели, тройняшек—никогда? — автоматически произнес Глеб.

•— Слышал, но не видел, ты прав, — мужчина шагнул вперед и опустился на траву рядом "с братьями. — Нет, это грандиозно! Даже хохолки на затылках одинаковые!

— Ну и что? — мрачно сказал Петька. — Не нравятся вам наши затылки, да?

— Чудак!—усмехнулся мужчина. — Каждый граж

данин имеет право на любой затылок. Ты что, не знал об этом?

— Пошли, — скомандовал Глеб. — У нас дела.

— Подождите, — решительно приказал мужчина. — У меня тоже к вам дело. Я — заслуженный артист реперублики Саблин, — представился мужчина и вежливо приподнял шляпу. Фокусник. Иллюзионист. Слыхали?

— Как же! — воскликнул Глеб. — Афиши про вас во всех городах!

— Фокусник? Настоящий фокусник? — с любопытством повторял Петька, оглядывая артиста с ног до головы. — Никогда не видел живого фокусника!

— А каких же ты видел? Сушеных? Маринованных? — улыбнулся артист.

— Сфотографированных! — ответил Петька. — И нарисованных!

— Дяденька, заслуженный артист, — попросил Пашка, — сделайте фокус, отправьте нас самолетом в Москву без билета!

— Это — легче легкого, — серьезно сказал Саблин. — У меня к вам разговор посерьезней. Вы кто будете? Откуда и зачем в Москву летите?

— Мы — члены зеленого патруля, — объяснил Глеб. — Премированы путевкой на Выставку. Отстали от поезда, хотим его догнать.

— А-а, зеленый патруль, — несколько разочарованно протянул артист. — Что-то я слышал об этом... насаждения, природа...

— В природе, — рассерженно сказал Глеб, — фокусов побольше, чем на сцене, если вы хотите знать!

— Сдаюсь! — поднял руки артист. — Вы — тройняшки — фокус природы! Но таких фокусов, какие мы с вами вместе придумаем, — не было и не будет.

— Мы... с вами? — поразились братья.

— А почему бы вам не поработать в моем иллюзионном обозрении? У вас каникулы, поездите со мной по городам, попутешествуете!

— Но мы же не фокусники! — удивился Глеб.

— Вот слушайте, — артист поднял палец. — Видели вы в цирке такой фокус — заколдованный сундук? Стоит сундук на арене, в него влезает вот такой шпингалет, вроде тебя, — кивнул он на Пашку, — потом сундук закрывают. Фокусник произносит какие-нибудь «волшеб-

ные» слова, сундук открывается, парнишки нет. Тогда фокусник поднимает ру-ку и указывает на висящий под куполом цирка ящик. Опять «волшебные» слова, и ящик скользит по канату на арену. Его открывают и оттуда вылезает...

— Тот самый парень! — воскликнул Петька.

— Верно, тот самый... Вот и все. Здорово?

— Ох, как здорово! — помотал головой Пашка. — Я ничего не по«ял!

— Если бы фокусы были понятны с первого взгляда, — усмехнулся артист, — то их бы никто не смотрел. Я вам рассказал самый примитивный трюк. Тут работают двойняшки. Два моих помощника. Совершенно, вот как вы, одинаковых мальчика. У сундука двойное дно. Пока я держу его закрытым, мальчик прячется между первым и вторым дном. Так сундук становится пустым. А в ящике, который висит над ареной, уже сидит второй хлопчик. Двойник. Точная копия. Когда он оттуда вылезает, то всем кажется, будто это тот самый парень, который исчез из сундука.

— Ой, как все просто! — разочарованно протянул Пашка.

— Может, и просто, но ты же сразу не догадался? — усмехнулся артист. — Большинство фокусов оказываются простыми, когда их объяснишь. Так вот, ребята, мне нужны такие, как вы. Тройняшки! Представляете, какие чудеса мы сможем творить! И никто из публики, даже той, которая знает кое-что из наших тайн, не поймет, в чем тут дело! Тройняшки! Мечта! Мировой аттракцион!

— Папа с мамой могут не согласиться, — с сомнением сказал Глеб. — А без их разрешения...

— Разумеется! — встал с земли артист. — Без родительского благословения — ни шагу... Вот приедем в Москву и свяжемся с ними.

— А как вы нас нашли? — поинтересовался Петька.

— Видел, как вы выходили из автобуса, и глазам своим не поверил: двое или трое? Хотел сразу подойти, но замешкался, а вы куда-то исчезли. Потом вижу — идет один по залу. Решил проследить... И вот нашел.

— И в Москву нас провезете на самолете? — спросил Пашка.

— У нас, группы артистов, свой самолет. Правда, не «ТУ-104», а обыкновенный товаро-пассажирский. Биле-

ты на него не продаются, идет он спецрейсом. Вы на нем и полетите. Утром, в семь, будете в Москве.

— Наш поезд приходите девять, — сказал Глеб. — Нас встречать будут. Вот если бы мы на вокзал успели...

— Успеете, — спокойно произнес артист. — На автобусе сорок минут — и вы в городе. А там вокзал рядом. Впрочем, наш цирковой автобус будет идти, вас довезут. Только одно условие: при погрузке в самолет никто не должен видеть вас втроем. Двоих временно спрячем. В самолете я всем нашим артистам покажу с вами фокус... Согласны?

Заслуженный артист и его помощница, молодая женщина, очень ловко погрузили в самолет Пашку и Петьку. Никто ничего не заметил. Это было нетрудно: контролеров не было, билетов не проверяли: ведь самолет шел специальным рейсом.

Петьку и Пашку расположили довольно уютно среди каких-то ящиков и приказали до поры до времени сидеть тихо.

В самолете Глеб был окружен общим вниманием. Даже сидевшая в большой клетке обезьяна все время протягивала к нему руку, требуя подачки.

— Налог в пользу Пикси, — сказал седоголовый дрессировщик. — Не увильвайте, молодой человек!

Помощница фокусника сунула в руку Глеба ириску, и он отдал ее Пикси. Обезьянка сделала поклон, приложила руку к сердцу.

Когда самолет поднялся в воздух и взял курс на Москву, Саблин сказал:

— Позвольте представить вам, товарищи, моего юного ассистента. Зовут его Глебом. Мы уже подготовили с ним один номер. Можем показать вам его прямо здесь.

— Просим!.. — закричали артисты. Глеба поставили в хвост самолета, возле груды ящиков.

Братья же сидели в тех ящиках, которые лежали в носу машины, у дверей в пилотскую кабину.

— Раз, два, три! — сказал Саблин и хлопнул в ладоши. Стоявшая рядом с Глебом помощница фокусника дернула Глеба к себе, и он оказался за ящиками.

В тот же момент из ящиков в носу показался Петька. — Двойняшки! — зашумели артисты. — Два брата!

— Глеб! — сказал Саблин, обращаясь к Петьке, Садись на место!

Петька прошел и сел рядом с клеткой Пиксн, там, где прежде оидел Глеб.

— Раз, два, три! — хлопнул в ладоши Саблин.

И там, где только что стоял Петька, появился Пашка. Артисты молча переглянулись.

— Или наш друг Саблин, — оказал седой дрессировщик, — действительно маг и чародей... или я ничего «о понимаю. Смотрите, Пикой снова просит с него налог! Значит, это не Глеб! Моя Пикси не ошибается никогда!

— Но если они двойняшки, — продолжал кто-то удивленным голосом, — то как же...

— Раз, два три! — хлопнул в ладоши Саблин.

И Глеб вышел из-за ящиков.

— Тройняшки! — ахнули актеры. — Вот это да! Везет Саблину!

Улыбалась, прикладывая руку к сердцу, Пикси, которая получила с каждого Прозорова по ириске.

Улыбался очень довольный Саблин.

Но счастливее всех были лица братьев: самолет летел в Москву.

Глава пятнадцатая

ПОЕЗД ПРИШЕЛ В МОСКВУ

23 июля, 7—9 часов.

По дороге в Москву артисты цирка узнали множество самых различных сведений о природе. Новые друзья фокусника рассказали и о

птичках-зубочистках, которые чистят зубы крокодилам, и о том, что у птички колибри на ночь резко понижается температура, пичуга словно замораживает сама себя, и о том, что щука никогда не может догнать форель, потому что щука делает двадцать три километра в час, а форель—тридцать пять... Да мало ли занимательных фактов и любопытных случаев знали братья Прозоровы!

Но и артисты не остались в долгу. Седоголовый дрессировщик, как выяснилось, сам учился на биологическом факультете в Московском университете и даже сдал специальный предмет «Слушание птиц».

— Да, выезжали всей группой за город и слушали птиц. Определяли их по голосам, устанавливали характер... Интересно было!

Прозоровым рассказали, в чем заключается разница между фокусниками-манипуляторами и фокусникамм-иллюзионистами, между музыкальными эксцентриками и музыкальными клоунами, между эквилибристом на проволоке и канатоходцем... Пестрый и радостный мир, объединенный для всех зрителей коротким словом «цирк», оказался своеобразной вселенной, в которой были свои созвездия и планетные системы, метеоры и падающие звезды, **кометы** и туманности.

— Сказать просто «цирк» — это все равно что просто сказать «природа», — усмехнулся Саблин. — Все и ничего.

Но самое главное: самолет прилетел в Москву безо всяких происшествий и без опозданий.

Цирковой автобус так же благополучно подвез братьев к вокзалу.

Когда Глеб, Петька и Пашка вбежали на перрон, то он уже был полон народа.

Над вокзальными постройками закудрявился седой дымок. Вот он задел за водокачку... Пролетел над крышей депо, спрятался за пакгауз... и оттуда выскочил уже вместе с паровозом.

Среди толпы встречающих тетю Гладлу ийти было трудно, а потеряться — очень легко. Поэтому Глеб сказал братьям:

— Подождем, пока поезд остановится. Тогда прямо — к восьмому вагону.

Ребята начали проталкиваться к восьмому вагону. И как они ни спешили, все-таки опоздали: уса́тый Федот

Федотович уже успел вручить тете Глаше пакеты с черенками, чемодан, сверток с альбомами.

Тетт Глаша стояла такая растерянная, что, видимо, не понимала ничего из того, что разъяснял ей Федот Федотович.

— Завтра приедут, завтра в то же время, — повторял Федот Федотович. — Все у них в порядке, не волнуйтесь.

— Все трое, значит? — спрашивала тетя Глаша. — А что же с ними?

— То есть, почему все трое? — удивился Федот Федотович. — Все двое! Двое их было, хоть весь вагон спросите!

— Верно, — поддакнул проводник. — Двое. Шустрые пострелята. Один в одного. Вот тут ихний пакетик у нас в холодильнике лежал, прошу тоже забрать.

— Пшеница! — закричал Пашка и бросился к пакету, который все еще держал в протянутой руке проводник.

— Господи, так вот же они! — ахнула тетя Глаша. — Все трое!

Она заключила в свои объятия сразу и Глеба и Петьку.

А Федот Федотович трепал за плечо Пашку:

— Значит, вас трое? А третий-то где был?

Пашка покосился на стоящего рядом проводника и сказал:

— Третьего мы по дороге прихватили! Спасибо вам за все, Федот Федотович!

Все расстались очень довольные друг другом. Больше всех радовалась тетя Глаша.

— Ах, озорники! Ах, баламуты! — повторяла она. — Так меня, старуху, разыграть! Я ведь и вправду подумала, что вы по дороге отстали! Ах, безобразники! Сами спрятались в вагоне, а мне соседа по купе выслали! Выдумщики! Провести меня захотели! Да не на такую напали! Меня не обманешь!

И как братья ни уверяли тетушку, что они действительно отстали и добирались до Москвы самолетами, автобусами, дрезиной, тетка только смеялась все пуше и вытирала выступившие от смеха на глаза слезы:

— Ой, не могу! Уморили совсем! Ну, выдумщики! Ну, в кого вы такие! Ну, сказочники! Вертолетами, значит,

летели? Охо-хо... Вот придумали-то! Просто кино! Ей-боженки!

Оказалось, что тетя Глаша получила дополнительную телеграмму от Прозоровых-старших, в которой уточнялось: братья едут втроем. Отец с матерью, конечно, сердились на самовольство Глеба, но в конце концов решили, что члены зеленого патруля сами должны отвечать за свои поступки.

Из выставочного комитета принесли тете Глаше путевку на третьего брата Прозорова: городское отделение Общества охраны природы сообщило в Москву о произошедшей ошибке.

— А мы будем в цирке выступать! — не выдержал Петька. — На той неделе репетиция! — сказал Пашка.

Тетя Глаша насторожилась: верно, опять какой-то подвох! От этих тройняшек чего хочешь можно ожидать!

— Seriously, — подтвердил Глеб. — Мы летели сюда вместе с заслуженным артистом...

— Хватит, — твердо молвила тетя Глаша, — приедете к отцу с матерью — чего хотите им рассказывайте, любые туры на колесах, а на сегодня с меня довольно. Сердце у меня слабое, много смеха не выдерживает... А тетку свою вы худо знаете: ежели хочется в цирк, так прямо и говорите. У меня приятель в цирке вахтером работает, пропуск могу устроить... Ну, марш к такси, выдумщики!

г. Брянск, 1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Будьте знакомы! С. Михалков.	3
Подшефный Петя Бубенчиков	5
АБВГД	9
Слово.	14
Таинственные ложки.	17
Самое верное средство	22
Новое небо.	27
Абсолютный рекорд	31
Шахматная нотация	33
Чернилные лужи	36
Полеаные откопаемые.	40
Елка с белкой	46
Нас трое	53

Борис Авксентьевич Привалов

ТАИНСВЕННЫЕ ЛОЖКИ

Редактор *Е. Данилина.*

Художник *Е. Жуков-*

Технический редактор *Е. Черняк.*

Корректоры *Я. Левина, Г. Прыгушина.*

Подписано к печ. 20/X—1964 г.

Г~

Кумага 84У108'/эг. Бум. л. 1,81. Печ. л. Б.95. Уч.изд. л. 6Дв. Тираж 50 000

Цена 28 ^{коп}

Приволжское книжное издательство
Саратов, Вольская, 81.

Издательство газеты «Пензенская правда». 3 № 1084. ФЛ01812
Пенза. Кирова. 55.